

ВАСИЛИСА

Записки медсестры

По себе знаю, жизнь заботится о равновесии. Если случается перекося, она старается его выпрямить. Первый раз меня перекосило на свадьбе.

По дурости, а скорее всего по глупости, я влетела в печальную семейную жизнь. Не знаю почему, но с детства мне нравились военные. Недалеко от дома, в котором жила, находилось артиллерийское училище с большой спортивной площадкой и металлическим забором, через который были видны курсанты, крепкие, сильные и красивые. Они в трусах и майках бегали, крутили «солнце» на турнике, лазили по шведской лестнице. Я смотрела на ребят и думала: «Вырасту – обязательно выйду замуж за военного».

В двадцать лет мне подвернулся Сергей Колесов. Он был выше среднего роста, спортивный. Чтобы показать свою силу, вставал на руки и отжимался. Ещё он рассказывал, как участвовал в венгерских событиях. Вместе с группой десантников обезвреживал снайперов, которые с крыш стреляли по нашим солдатам. Говорил так убедительно и красочно, что невозможно было не поверить. Потом оказалось, что он даже в армии не служил. За какой-то физический изъян его забрала призывная комиссия. Рассказы

о венгерских событиях услышал от своего друга по работе, который в самом деле был там и серьёзно воевал. Его истории без зазрения совести Колесов присвоил себе. Я, ослеплённая ими, согласилась выйти за него замуж.

На свадьбе Сергей не сдержался, вывернулся наизнанку. Так упился, что почувствовал себя барбосом в конуре. Забрался под стол, языком слизывал из тарелки пюре с кусочками печени. Когда его попробовали вытащить оттуда, натурально залаял.

Подруги из хирургического отделения, где я работала медсестрой, тихонько ушли со свадьбы. Потом одна из них сказала:

– Василиса, где были твои глаза, когда ты выходила за него замуж?

В ответ я только дёрнула плечом. Известно, что зрение влюблённой девушки меняется. Она видит совсем не то, что есть на самом деле, а потом расплывается за свою романтическую слепоту.

Чем дольше я жила с Сергеем, тем больше он разочаровывал меня. Муж не задерживался подолгу на одном рабочем месте. Его выгоняли за постоянное пьянство. Тогда он переходил на моё иждивение. Я как медсестра получала сто двадцать рублей в месяц. Денег у нас вечно не хватало. Страсть к вину, естественно, у него не проходила. При отсутствии собственных дохо-

дов он преспокойненько залезал в мой кошелёк и выгребал всё до последней копейки.

Я сопротивлялась грабежам как могла. Тогда он стал распускать руки. Поводом использовал ревность. Чуть задержишься на работе – пристаёт с ножом к горлу: «У хахаля была?». Для убедительности добавлял удары кулаком в голову. Когда у меня мозги встряхивались до потемнения в глазах, хватал сумочку, вырывал кошелёк. С добычей убегал из дома, чтобы с приятелями под забором напиться.

Мне такая супружеская жизнь вскоре стала поперёк горла.

Правильно говорят: «Сколько ниточка не выётся, всё равно порвётся».

Первого мая я дежурила в операционной областной больницы. После автомобильной катастрофы привезли пострадавшего – секретаря обкома партии. Рано утром он торопился из санатория, где лечился, в город, на демонстрацию, чтобы занять место на трибуне.

В деревне Скоково из переулка на трассу выскочил трактор «Беларусь». И надо же было так случиться – в трёх метрах перед «Волгой» чиновника. Водителя с места происшествия увезли в морг, а пассажира в больницу, где прямо в одежде привезли на каталке в зал. Когда укладывали на стол, он вдруг соскочил и бросился к двери, но споткнулся, упал. Кровь хлынула изо рта. Хирург, анестезиолог, реаниматолог с трудом вернули его на место.

Родиону Павловичу пришлось пять часов копаться во внутренностях пациента. Когда он наконец зашил кожу, довольно поднял вверх онемевшие руки в перчатках: ему удалось спасти тяжёлого пациента! Тело отправили в реанимационную палату, бригада пошла к праздничному столу, чтобы отметить солидарность трудящихся всего мира, заодно – приход весны.

Выпивая бокал вина, я вспомнила о муже. Сейчас он, наверное, дома мечется в поисках бутылки?

Теперь я мечтала только об одном – избавиться от мужа-тирана.

Когда шла домой, так приятно светило солнце. Деревья покрывались клейкими листочками. От них шёл обалденный запах – весны. В квартире заходить не хотелось.

Я присела на скамейку возле нашего пятиэтажного панельного дома, расстегнула плащ и стала наслаждаться весенней природой. Не заметила, как подсели две старушки и заговорили

о какой-то Марии Тимофеевне, которой привезли сына с войны в цинковом гробу. Военные уговарили мать похоронить сына, не вскрывая гроб, чтобы не травмировать себя растерзанным телом. Но мать не согласилась: «Хочу взглянуть на сына!» Пришлось открывать крышку. Открыли и увидели, что там лежит какой-то узбек, смуглый, заросший чёрными волосами. Это был чужой покойник. Свидетелями подмены стала вся улица, которая хорошо знала сына Марии Тимофеевны. Пришлось военным с извинениями увозить гроб.

Я заинтересовалась:

– А с сыном как?

– Нет его. До сих пор ищут. Мать надеется: вдруг окажется живым. Во время войны с фашистами часто такое случалось. И похоронку вышлют, даже место укажут, где погиб солдат, а он вдруг после Победы является живым.

Пока судачила с бабушками о трагедии Марии Тимофеевны, откуда-то появился Сергей. Он явно уже поднабрался. Выскочил из-за угла дома и боком, опираясь ладонями о стену, бросился к подъезду. Широко распахнул дверь и нырнул внутрь.

Одна из старушек была учителем русского языка. Провожая взглядом Сергея, она вдруг стала цитировать Толковый словарь Даля:

– Задротыш, михрютка, плюгавец, задохлик, лохопендрик, заморыш, мозгльак, хильяк, замухрышка, бухарик! Тебе, милая, надо сломя голову бежать от этого мужика. Он не твой, твоя жизнь с ним не кончится добром.

Мне стало жутко от такого пророчества. Вскочила и рванула в подъезд за мужем. На верхних этажах услышала мощные удары. Поняла, Сергей бьётся в квартиру, думая, что я там. Откуда только крылья взялись. Минута – и оказалась на площадке четвёртого этажа. Супруг наваливался грудью на двери и, подняв руки, колотил кулаками коричневую филёнку.

– Ты с ума сошёл! Весь дом поставишь на уши! – не помня себя, взревела я.

Он отшатнулся, опустил руки. Передо мной блеснули безумные глаза. В голове заворочалась боль.

Я очнулась на полу бетонной площадки. Рядом валялась пивная бутылка. Сергея не было. Он выпотрошил мой кошелёк и сбежал за водкой. Открытая сумочка валялась рядом. Протянула к ней руку. Перебрала пальцами женские предметы – пудреницу, тюбик губной помады,

платки, – пока на самом дне в уголке не нащупала ключи от квартиры. На душе стало чуть легче. Хоть это он не забрал. Сейчас поднимусь и открою дверь.

Оказалось, подняться было не так просто. Голова налилась свинцом, кружилась, норовила свернуться на бок. В таких случаях лучше полежать, пока организм сам не вернётся к равновесию, отрегулирует кровяное давление.

Пол на площадке был грязным, заплёванным. Противно на нём лежать. Я стала подниматься, опрокинулась на спину. Вытянула руки вдоль тела, зажмурилась.

Рядом раздался шорох, и встревоженный голос спросил:

– Вам плохо?

– Очень! – призналась я и открыла глаза. Надо мной стояла старушка, которая десять минут назад советовала расстаться с мужем. Она страдальчески смотрела сверху на меня.

– Давай помогу!

Я протянула ей руку. Хватка у пожилой женщины оказалась необыкновенно сильной. Она легко поставила меня на ноги. Я даже удивилась:

– Вы штангой занимались в молодости?

– Штангой! Штангой! Как муж придёт подвыпивши, хватаю его за пояс и бросаю через забор. Так и отучила от водки. К старости не брал капли в рот.

– А нельзя было лёгким способом лечить?

– Моего нельзя. В пьянстве он был страшным. Дрался, мог изувечить. А как проспится за забором, шёлковым становится. Спрашивает: «Ты снова меня заставляла летать?» Отвечаю: «Заставляла». Так мы большую часть жизни прожили в полётах, пока он не потерял всякий интерес к спиртному. Твой Сергей из той же породы извергов.

Разговаривая мы с бабушкой прошли в квартиру. Я напоила гостью чаем. Когда та уходила, на самом пороге вдруг спросила:

– Ты не возражаешь, если вечером я ещё раз загляну к тебе?

– Конечно! Конечно! – обрадовалась я. Подумала: «Если Сергей снова явится в непотребном виде, при чужом человеке не посмеет распускать кулаки».

После ухода гостыи я забралась в ванную, хорошо вымылась и улеглась в постель. Навалилась такая усталость, что уснула как мёртвая.

Проснулась, в комнате было темно. По стене плыли полосы света от фар машин. Доносились

гулкие звуки моторов. Я задумалась о своей жизни, которая теперь мне казалась бестолковой, лишённой смысла. Мечтала о любви, получила шиш пьяный. Стала готовиться к вступительным экзаменам в институт. Но разве Сергей даст возможность учиться? Суицид показался единственным выходом из тупика. Темнота сгустилась в комнате. Даже автомобили стали реже ездить по улице.

Только транзисторный радиоприемник на тумбочке бормотал новости. США за сто двадцать один год вторгались сто тридцать раз в пятьдесят стран. В Кабуле смертник подорвал себя на мотоцикле. Три человека убиты, десять ранены.

Мой мозг будто закрылся плотно шторкой и стал вырабатывать трагическое желание. Я достала из коробочки успокоительные пилюли, рассыпала на столе перед собой и увлеклась их поглощением.

Медленно-медленно приходило состояние блаженного покоя. Казалось, что я погружаюсь в чёрный водоворот. Никогда прежде не было так хорошо. Хотелось уплыть вниз и рассеяться на атомы.

Вдруг рядом раздался грубый, низкий, как гром небесный, голос:

– Ты, чёрт, девка, одурела? Рано запросилась на тот свет!

Я попала в какой-то ужасный сон, в котором мельтешили люди в халатах, ощущался запах бензина, шум автомобильного мотора. Белые стены, кафель. Между тем настойчивый голос требовал:

– Глотай! Глотай!

И чернота. А потом слабый утренний свет и стойка капельницы.

Возвращение было медленным, трудным, словно я мучительно выдираюсь на поверхность из толщи воды. Вынырнула, и мир стал понятным для зрения.

Я лежала в большой палате с четырьмя кроватями. Пятая у правой стенки была моя. На каждой – контуры тел, прикрытых одеялами, и женские головы на подушках. Только у окна лежал кто-то под простынёю. Не успела я угадать, кто, как две санитарки втащили каталку и поставили рядом с кроватью у окна.

Санитарки действовали профессионально. Одна стащила с покойницы простынь и взялась за ноги. Вторая завела руки под мышки. Дружным усилием легко перенесли тело на каталку и

снова накрыли простынёю. Так же деловито, без лишних слов, увезли каталку снова в коридор, закрыли за собой створки двери.

Все женщины во время процедуры приняли вертикальное положение. Кто стоял, скрестив на груди руки. Кто сидел на кровати, открыв рот. Провожали печальными взглядами каталку. Блондинка в цветастом байковом халате перекрестила лоб и тяжело вздохнула:

– Отмаялась Дормидоновна!

Посидела минут пять, потом осторожно соскользнула с кровати и, переваливаясь на кривых венозных ногах, пошла в туалет, придерживая рукой распахивающиеся полы.

Вторая женщина, молодая шатенка со скорбным лицом и опущенными плечами, злобно проворчала:

– И почему мы, бабы, такие дуры? Из-за мужиков вешаемся, режемся, травимся. Не стоят они того.

– А что с Дормидоновной? – осторожно любопытствовала я.

– Муж изменил. Как узнала, флакон уксусной эссенции глотнула. Желудок и кишки выжгла. Всю ночь спасали. К утру в великих мучениях преставилась, как святая.

Я не поняла, в чём святость погибшей женщины. Может, в том, что сама забралась на Голгофу и прибила свои руки к смертельному кресту?

Моя голова казалась свинцовой от тяжести. Приподняла и не могла удержать, уронила на подушку и закрыла глаза. Полежала, отдышалась и подумала. Кто же вчера спас меня? Потом вспомнила бабушку, которая бросала своего пьяного мужа через забор. Решила, наверное, она – и ошиблась.

После обеда явилась в палату младшая сестра моей мамы, тётя Галя. В больнице тётку одели в просторный белый халат. В нём она была похожа на Диану – охотницу Рубенса. Такие же большие плечи, грудь восьмого размера, золотистые пушистые волосы, зачёсанные к затылку и собранные в большой тугий узел.

Я уважала свою тётку и слегка побаивалась. Она напоминала танк. Столько в ней было сокрушительной энергии! На свадьбе именно она извлекла Сергея за шиворот из-под стола и обмыла в ванной от блевотины. Потом говорила:

– Ты натягиваешь его на себя, как детские трусики на свою зрелую попу. У него нет даже семилетнего образования, а ты готовишься по-

ступать в институт. У вас мозги разные. Вы понять не сможете друг друга.

Когда я увидела тётку у своей кровати, то сразу подумала, что та пришла, как обычно, уговаривать разойтись с мужем, и решила согласиться. Теперь в больнице поняла, что моё сожительство с ним не имеет смысла во всех отношениях. Я даже рожать от него не хотела. В семье Сергея все пили: отец, брат, даже малолетний племянник. Кто даст гарантию, что ребёнок, рождённый от алкоголика, не станет алкоголиком? Вот только как освободиться от него?

Удивительно, но тётка даже не вспомнила Сергея. Рассказала, что вчера её будто кто-то вынес из дома, заставил через весь город бежать ко мне. Не помня себя, очутилась на проспекте Октябрьском. Дверь моей квартиры оказалась открытой. Заскочила, увидела меня за столом в одной ночнушке с горстью таблеток в руке. Таблетки вырвала, бросила на пол и вызвала скорую помощь. Вот, оказывается, чей голос я услышала, но почему он показался мне грубым, металлическим, гренадёрским, как будто с того света?

За неделю меня привели в чувство, выписали из больницы. Я не захотела возвращаться домой. Поехала к тётке Гале, чтобы отдохнуть душой и телом, а главное, успокоить нервы.

Родственница жила со вторым мужем Никанором. Он работал шофёром на азотно-туковом заводе. Когда-то у него была своя большая семья. Жена и две дочери. С женой оказалось не всё в порядке. Она влюбилась, бросила малолетних дочерей и с новым мужиком уехала на Дальний Восток. Там отсекала головы у рыб на конвейере и за это получала большие деньги.

Несколько лет Никанор бедовал один с девчонками. Потом он познакомился с Галиной. Случай, достойный пера Шекспира. Мою тётку пригласила подруга к себе на дачу, далеко за городом. Дескать, подышим свежим воздухом, соберём клубнику. Тётка без задних мыслей согласилась. В субботу поехала. В домике, кроме подруги, встретила ещё двоих мужчин. В первый момент кольнуло подозрение. Они что делают тут? В то время Галина не была готова к новым сексуальным отношениям. Ещё не зажила травма от своего развода. Подруге она доверяла как себе. Познакомилась с гостями. Вроде ничего, нормальные люди. Откуда-то появились бутылки водки и вина. Выпили. Подруга вдруг куда-то исчезла, а мужчины взялись за Галину. Она

вспоминала потом. Опыянения не было, а руки, ноги вдруг отключились, стали неуправляемые. Мужчины расстегнули у неё кофточку, потом взяли за юбку. Когда дошло до трусиков, у Галины вдруг проснулась сила. Она оттолкнула от себя мужиков, выскочила из домика и через кусты лопанулась к дороге, которая была в метрах двухстах от дачи. Споткнулась о какую-то коряжину, упала. Мужики бегали вокруг. Но алкоголь затуманил им мозги. Они не смогли найти беглянку.

Когда стемнело, Галина выбралась на дорогу, остановила жигулёнок. Рассказала водителю, что с ней случилось, и попросила довезти до дома. Тот включил скорость и завернул в какой-то лесок. Вид полуобнажённой женщины возбудил его до невероятности. Он попытался овладеть ею, но получил такой боковой удар в челюсть! Тётка в юности занималась спортом, мышцы у неё были, как у доброго мужика.

Свалив третьего насильника, она стащила куртку с него, натянула на себя и рванула дальше по дороге. Вскоре попалась грузовая машина с гравием. Она стала умолять водителя отвезти её домой. Тот согласился, но при условии, что вначале выгрузит гравий на складе. После этого он довёз женщину до дома. Там она в благодарность пригласила его в квартиру выпить чаю.

Никанор согласился. Теперь он десять лет пьёт чай из рук Галины. За это время они вырастили девочек, выдали замуж, а сыну тётки дали среднее образование. После школы он пошёл дальше, в военное училище, а затем потерялся в гарнизонах. Теперь супруги живут вдвоём. О своём первом муже Галина никогда не вспоминала. Только однажды сказала о нём, как сплюнула: «Сволочь!»

Мне нравился Никанор. Внешне он не выглядел красавцем. Белобрысый, с водянистыми серыми глазами, небольшого роста, бесцветный какой-то, к тому же рядом с Галиной он выглядел карликом. Но в нём было столько доброжелательности, готовности помочь людям, что к нему сразу тянулась душа. Ещё он был интересным человеком: собирал марки, монеты, открытки. Когда я появилась в квартире тётки после больницы, он обнял меня, увёл в спальню, там достал из книжного шкафа толстый коричневый альбом:

– Моя новая коллекция. Заметки о войне в Афганистане.

Я открыла обложку и на первой странице увидела крохотные газетные вырезки. Одна гласила:

«24 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская (Саурская) революция, в результате чего к власти пришла народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), провозгласившая страну Демократической Республикой Афганистан. Попытки руководства страны провести новые реформы, которые позволили бы преодолеть отставание Афганистана, натолкнулись на сопротивление исламской оппозиции. В Афганистане началась гражданская война». Я перелистнула другие страницы. Они пестрели заметками о подрывах смертников, свержении Амина, боях моджахедов. Это были нарывы на теле страны, которые говорили о серьёзном заболевании. Я не интересовалась в то время политикой. Равнодушно полистала альбом, вернула Никанору. Через минуту уже не думала о стране, где разгоралась гражданская война. Пошла на кухню, чтобы помочь тётке с обедом.

В тот же день явился Сергей. Когда Никанор открыл ему дверь, он встал на колени и быстро-быстро пошёл ко мне. Не успела опомниться, как супруг обхватил мои ноги и, заглядывая снизу в глаза, стал просить о прощении. Встреча закончилась на кухне. Никанор захотел испытать Сергея, поставил на стол бутылку водки.

– Нет! Нет! – замахал тот руками. – Белоголовая и так принесла много бед. Я со вчерашнего дня завязал!

Я хорошо знала, как «завязывают» пьяницы. Они, когда захотят, могут быть очень убедительными, пока снова не загорится у них душа желанием напиться. Проявила слабость. Поддалась уговорам, вернулась домой. Там был настоящий бедлам! Сергей приводил в квартиру собутыльников. Они пили, закусывали. Обьедки валялись даже под кроватью. Перевернутый стул ножками вверх торчал посреди комнаты. А сколько пыли на подоконнике, на полках книжного шкафа!

– Ты бы хоть веником разок махнул! – вырвалось у меня.

Стащила с себя сапожки, набросила синий рабочий халат на плечи и взялась за уборку. Сергей виновато пыхтел рядом, возил по полу тряпкой.

Его трезвости хватило ровно на неделю. Когда в пятницу я вернулась с дежурства, дверь была взломана. Я вошла в квартиру и не обнаружила своих книг по медицине, которыми очень дорожила и которые помогали мне в работе. Сомнений не было, какой вор здесь постарался.

Позвонила в букинистический магазин. Продавец сказала, что эти книги сдал молодой человек, описала внешность Сергея. Я попросила оставить книги: «Сейчас подойду и выкуплю»...

Ночь проспала при открытых дверях. В первом часу приполз супруг. Стараясь не шуметь, улёгся на полу, захрапел.

Утром сказала ему:

– Разведёмся.

– Разводись! – буркнул он и ушёл на кухню.

Самым сильным местом у него в организме был желудок. Если туда забросить гвозди, переварит.

На суд Сергей не явился. Развели без него.

А вот покидать мою квартиру он не захотел. Я посоветовалась с юристами. Они сказали: если он проживёт полгода и вещи его останутся в квартире, то и жильё сохранится за ним. Если я уеду в командировку, то квартира будет за мной. Через определённое время можно обратиться в суд, выписать его. Это решило вопрос о командировке. Ничего не оставалось, как уехать в командировку, но куда?

Пришла подсказка от Никанора.

– Завербуйся в армию. Военным нужны вольнонаёмные медики, педагоги, повара. Хочешь, я познакомлю тебя с Карповым? Он капитан, занимается кадрами в военкомате. Я поставил ему «москвич» на колёса и деньги не взял. Думаю, в благодарность он отыщет тёплое местечко для моей родственницы где-нибудь в Германии или Чехословакии.

Никанор записал адрес капитана на листочке. С запиской я пошла в четвёртый отдел Центрального военкомата. Карпов оказался приятным молодым черноволосым мужчиной. Когда узнал, от кого я, бережно усадил за стол, угостил чаем с шоколадными конфетами. Внимательно выслушал. Потом достал блокнот, записал имя-отчество, возраст, образование, место работы, адрес. Сказал, что теперь надо ждать, пока не придёт заявка. Когда я спросила, сколько ждать, Карпов обаятельно улыбнулся и дипломатично ответил:

– Сколько положено!

Прошло ещё полгода. За это время я с мужем мирилась, снова расходилась. Душа от него окончательно отвернулась. Я не знала, как освободиться от Сергея. Когда уже совсем не стало мочи, позвонил Карпов и пригласил в военкомат.

У меня как раз наступало дежурство. Я договорилась о подмене и на крыльях полетела на

встречу своей новой судьбе. Рядом с кабинетом Карпова в коридоре топтались двое солдат. Они дружно и заинтересованно уставились на меня. Я робко спросила, кто из них последний в очереди.

– Тут последних нет. Все первые! – пошутили солдаты и добавили: – Если вы в четвёртый, то проходите. Мы в другой отдел. А здесь просто болтаемся, ждём, когда нас пригласит военком.

Я открыла дверь.

Карпов сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. На скрип поднял голову, увидел меня и громко пригласил:

– Проходите и присаживайтесь.

Сердце так сильно забилося, что пришлось глубоко вдохнуть несколько раз. Когда я опустилась на стул возле стены, волнение пропало. Я уставилась на капитана. Он взял папочку на столе, открыл и сказал почему-то очень торжественно:

– Заявка поступила из Афганистана. Там есть место медсестры. Если хотите, оформим. Пять минут на размышление. Выйдите в коридор, подумайте.

Я вернулась в коридор. Там уже не было солдат.

Подошла к окну. За стеклом открывалась небольшая площадка, на которой стояла женщина в синих джинсах. Рядом молодой мужчина держал белый свёрток с грудным младенцем. Оба оживлённо говорили о чём-то. Руки мужчины были заняты. Зато женщина не стесняла себя в жестах.

К ним подошла ещё одна женщина, потрогала ребёнка. Потом все трое забрались в легковую машину. Мужчина передал ребёнка молодой. Сам сел за руль. Дамы устроились на заднем сидении.

Я смотрела на сцену за окном и думала о Сергее. Он тоже мог стать отцом моего ребёнка. Но как рожать от алкоголика? Дед, отец, брат – вся семья пьющая. Ещё одного такого произвести на белый свет? Легче удавиться. Я вернулась к Карпову и сказала:

– Согласна!

– Тогда оформляйте документы. Напишите свою автобиографию. Ещё нужна характеристика с работы. Получите медицинскую справку, которую обязательно должны подписать нарколог, венеролог. Комиссия в нашей поликлинике работает по четвергам с девяти часов.

Легче всего оказалось с медицинской справкой. В комиссии я сказала, что у меня со здоро-

вьем всё прекрасно. И тут же, к своему изумлению, получила нужные подписи. Гинеколог даже в кресло не посадила. «Замечательно, – подумала я, – с триппером можно ехать в воинскую часть и разносить заразу по всему гарнизону». Но, слава богу, у меня не было ни триппера, ни какой другой заразы. Равнодушие коллег к здоровью женщины меня как медика покорило.

Все процедуры со сбором документов заняли полгода. Таких, как я, ещё набралось три человека. Все разведёнки, все несчастные бабы. Нам выдали предписание и отправили на поезде в Ташкент, но, куда конкретно ехать, не сказали. Маршрут был тайной. Порекомендовали только обратиться на железнодорожном вокзале к военному коменданту. Он-де знает и распорядится нашей судьбой.

В поезде я познакомилась со Светой. По спорту она была русская, но внешне была похожа на армянку, даже больше на смуглую цыганку. Как и я, была замужем, муж улетел на Шпицберген за большими деньгами. Неугомонная жена не захотела караулить стены квартиры и дунула, правда, совсем в другую сторону. Мужу написала, что отправляется в Среднюю Азию тоже добывать деньги. Куда конкретно, естественно, не сказала, и понятно почему. Её поездка была засекреченной. Не знала она и свой конечный адрес. Работать собиралась там, куда направят. У неё было много специальностей: повар, штукатур, делопроизводитель. Но все, как она говорила, плёвые, чернорабочие.

В купе Света высказала свои соображения насчёт мужчин, с которыми придётся общаться в войсках. «Я дама мужняя. Не должна крутить любовь с кем попало. В процессе сожительства между мужем и женой строится духовный мост – эгрегор. Стоит его разрушить изменами, то связь с супругом теряется навсегда. Можешь, конечно, с ним жить, общаться, вкусные борщи ему готовить, даже спать в одной кровати, но уже перестаёшь ощущать его мир. Он становится для тебя чужим. Теряется интерес друг к другу, что приводит к разводу. Если хочешь сохранить семью – не изменяй!» – убеждала Света.

Я примеряла эту идею на себя:

– Я не замужем. Значит, мне можно поднять хвост?

– Не совсем. Мужики почувствуют, что твои ворота широко открыты и будут ломиться туда кому не лень. Тебе же надо выстроить эгрегор с новым мужчиной. Эта работа ювелирная, осто-

рожная, требующая тишины и внимания. Поэтому лучше не размениваться. Хочешь найти себе настоящего мужа, держи свои ворота на хорошем засове, пока не подойдёт единственный, тот, кто тебе нужен. Вот только для него открой и то очень аккуратно, чтобы не подумал, что здесь путь хорошо протоптанный.

Сергей не пробудил во мне женщину. Первая брачная ночь с пьяным мужем ничего, кроме отращения, не вызвала. А потом я ложилась в постель с ним больше по принуждению, чем по желанию. Уезжая в Афганистан, дала слово себе: «Никаких флиртов! Хватит, нажилась!»

На вокзале мы нашли коменданта. Он посмотрел документы и усадил в зелёный армейский пазик. Я уселась возле окна и с интересом через стекло разглядывала восточный город. Он поражал мавзолеями, медресе и даже католическим собором Святейшего Сердца Иисуса. Где-то недалеко была ещё Бухара. Ощущение такое, будто несёшься на машине времени по сказке «Тысяча и одна ночь». Очень скоро волшебство пропало, через час мы выпали в реальность, оказавшись на пересылке.

Возле железных ворот прогуливался здоровый пес. Перед машиной он уселся и вывалил набок огромный красный язык, с которого стекала пена. У собаки был такой вид, будто машина вызывала у неё аппетит. Сейчас откроет пасть и сжамкает машину с пассажирами.

Я до дрожи в коленках боялась собак, особенно таких огромных, как эта. Решила не выходить из автобуса, пока не уберут её. Дежурный солдат с красной повязкой будто услышал мои мысли, молодцевато вышел из КПП. Видимо, пёс получил от него команду, втянул язык в пасть, отошёл в сторону и уселся на задние лапы.

Захватив свои чемоданы, сумки, потянулись к выходу. Невольно косились на неподвижную спокойную собаку, когда проходили мимо в широко открытые солдатом ворота. Служивый показал рукой на три кирпичных здания.

– В первое заходите. Вас встретят там, – сказал он.

Оставалось одолеть метров тридцать, как из второго по порядку дома вывалилась толпа хорошо подвыпивших военных и лавой покатились к воротам. Они шли развёрнутой линией. Двое чуть сбоку вели, обняв за плечи, пьяного, который ногами в сапогах выписывал кренделя.

Мы, не желая сталкиваться с компанией, взяли левую сторону, чтобы обойти. Мужчины уви-

дели «добычу» и преградили нам путь. Пьяный вдруг протрезвел, заблажил:

– Ура! Баб подогнали! Девочки, может, сегодня вечером повеселимся? У нас водка и вино в избытке. Есть что выпить, что закусить, на чём поваляться в свободное от службы времени. Гы-гы!

Не успели мы прийти в себя, как оказались в оцеплении распаренных жарой и алкоголем мужиков в форме. Из всех не потеряла самообладание только Света. Она накинулась на самого рослого в середине толпы:

– Капитан, закрой поддувало внизу и вытри сопли!

Офицер испуганно опустил взгляд на брюки. Ширинка оказалась расстёгнутой. Непорядок в одежде для военного – хуже удара между ног. Пока застёгивался, Света буром двинулась на него. За ней остальные женщины. Мужчинам ничего не оставалось, как расступиться и пропустить группу. Они внимательно проводили нас взглядами и ушли куда-то своей дорогой через КПП, наверное, за водкой. Я подумала, глядя на них: «Здравствуйте! От чего уплыла, к тому же и приплыла!»

Каждая из нас не была образцом добродетели, не всегда придерживалась правил пуританской морали. Но это не означало, что нас можно было вот так цинично оскорблять.

Тут ещё удрушающая жара под сорок градусов. Казалось, температура вот-вот перейдёт точку плавления, тело потечёт. Одуревшие в доску, как писал мой любимый Есенин, мы ввалились в казарму и облегчённо вдохнули прохладный от кондиционеров воздух.

Возле нас мгновенно появился усатый прапорщик. Он привёл в комнату, заставленную двухъярусными железными кроватями.

– Вот ваше царство-государство. Располагайтесь!

Мы разобрали кровати на нижних этажах, уселись каждая на своей. Притащили матрацы, полученные от прапорщика, уложили на пружины. Света обратила внимание на входную дверь. Ни замка, ни шпингалета, ни крючка! Входи кому не лень!

Таня пошла в туалет, прямо по коридору и в конце налево. Оттуда вернулись с круглыми от ужаса глазами.

– Там солдаты!

Оказывается, в казармах вообще не предусмотрено «опорных точек» для женщин. Решили

ходить по двое. Одна стоит у входа и задерживает солдат, пока вторая справляет нужду.

Мы пробыли три дня на пересылке и три дня пользовались этим способом. Мужчины с пониманием отнеслись к нашему затруднению. Некоторые заглядывали к нам в комнату и говорили: «Туалет свободен!» Тогда мы толпой устремлялись по коридору прямо и налево.

На ночь забаррикадировали дверь кроватями. Но это не помогло. Ночью кровати сдвинулись. В комнату ввалилось что-то громоздкое, военное с известным набором слов.

Дамы подлетели на своих кроватях и, как были, в ночнушках, энергично взялись за гостя. Кто-то ухватил его за руки, кто-то за ноги, кто-то за волосы. Я облюбовала широкую плотную спину. Уперлась в неё ладонями.

Удивительно, но мы легко вытолкнули грузного мужчину из комнаты. Остальное ночное время не спали. Боялись, что кто-то ещё завалится к нам. Новой атаки не последовало, и к утру мы забылись. В следующие ночи тоже не было атак. Жизнь в казарме пошло без особых приключений.

Вновь, уже более тщательно, прошли здесь медицинскую комиссию. Довелось и в гинекологическом кресле побывать и разные прививки от южных болезней поставить, освоить инструкции по соблюдению секретности. Наконец нам приказали быть в боевой готовности, в шесть ноль-ноль с вещами покинуть казарму и на площадке перед воротами ждать автобус в аэропорт.

Сторожевой пёс провожал нас. Он крутился возле колёс, обнюхивал скаты, поднимал заднюю ногу. Не получив угощения от мужчин, сунулся к женщинам. Кто-то бросил ему кусок колбасы. Пёс поймал на лету, зажал белыми огромными зубами, отошёл в сторону и стал деликатно завтракать, жмурясь от удовольствия.

Я вспомнила, что у меня ещё сохранился кусочек сыра. Достала из авоськи, завернула его в кусок газеты и робко протянула ему. Пёс опустил недогрызенную колбасу, положил возле лап и поднял морду к моему подношению. Я подумала, что он сейчас аккуратно откусит кусочек, но пёс взял зубами сыр, вытянул его из свёртка и с аппетитом стал поедать. Проглотив сыр, наклонился к колбасе. Вся толпа уставилась на него. «Надо же, какой умный!» – удивился молоденький лейтенант с красивым кожаным чемоданом. Он стоял возле Светы и время от времени поглядывал на неё, как на сыр в масле. «Трудно будет подруге сохранить эгрегор», – подумала я.

Тут передняя дверь автобуса (задняя не работала) открылась. Все ринулись в проход, чтобы занять удобные места. У меня было такое чувство, что я оказалась в воронке вихря. Тело закрутило и понесло вверх, чемодан вырвало из руки, но авоську я всё-таки удержала. С ней оказалась притиснутой к животу какого-то толстого мужика, от которого противно несло потом и пивом.

Чуть отдышавшись, стала искать свой чемодан. Боялась, что в буйной толпе его растопчут и я лишусь нужных мне вещей.

К счастью, в этот момент раздался вскрик Светы:

– Забирай, подруга!

Через головы приплыл ко мне чемодан. сосед подвигался могучим телом, освобождая пространство между нами. Я ухватила двумя руками чемодан и просунула вниз к ногам.

Снаружи раздался голос водителя.

– Эй, старлей, убери жопу! Дай место девушке!

В последнюю очередь протиснули в автобус нашу Татьяну. Водитель вернулся в кабину, закрыл дверь. В тесноте и неимоверной духоте мы поехали. В салоне сгрудился крепкий здоровый народ. Поэтому обмороков не было.

Настоящая мука началась в накопителе аэропорта, куда попали через полчаса. До этого прошли, как положено, регистрацию, затем оказались в небольшой комнате со стеклянными стенами, через которые виднелась взлётная полоса с самолётами. Машины непрерывно взлетали и опускались.

Жёлтые скамейки накопителя оккупировали мужчины. За три дня общения с ними я почувствовала высокую степень их презрения к нам, женщинам по гражданскому найму. Они считали нас низкопробными подстилками, пригодными для разового потребления. Полежал сверху, справил нужду, отряхнулся и забыл, с кем переспал. Татьяну тоже корбило такое отношение.

– Что они могут без баб? – возмущалась она.

Приходилось приспосабливаться к «окружающей действительности». Я достала из авоськи полотенце, расстелила на бетонном полу, усеялась. Развернула «Правду», которую купила ещё вчера в Ташкенте, и углубилась в политические новости. На работе в больнице я была политинформатором. Привычка передавать коллегам события у нас в стране и за рубежом въелась в меня, как потребность дышать. Я узнавала новости из газет, без которых не могла и дня прожить.

Ко мне подсел лейтенант. Приятное, мягкое интеллигентное лицо, светло-русые волосы, гладко зачёсанные назад. Он ярко отличался от других военных в накопителе. Походил на голубя, попавшего к чёрным воронам. Видимо, соседство с ними было для него неприятным, он решил пристроиться к женщинам. Мне стало неудобно держать его на голом полу, поэтому я сдвинулась, освобождая место на полотенце возле себя.

– Что пишут? – спросил он.

– Американцы застрелили президента Альенде. В Никарагуа сместили Ортегу. Блокаду с Кубы не снимают.

– Почему американцы? В Чили организовал переворот Пиночет, главнокомандующий чилийской армией, – удивился лейтенант.

– Вы держите в руке бутылку пива. Потом будете говорить, что напилась ваша правая рука, – огрызнулась я.

Офицер посмотрела на меня, будто сделал открытие. Потом представился:

– Иван Подопригра, журналист.

Я назвала себя.

Мой новый знакомый согласился:

– Вы правы. За каждым убийством в мире стоят американцы. Для борьбы с нами они непрерывно готовят наёмную армию диверсантов. Не только вооружают, но и щедро оплачивают каждого убитого нашего солдата, каждый подбитый танк, бронетранспортёр, вертолёт. Они превратили Афганистан в Клондайк для бандитов, куда те отправляются за заработками, за богатством. Советский Союз сейчас фактически воюет с самой могущественной экономической державой мира.

Посидели рядом, поговорили. Парень оказался москвичом, острым на язык, всё знающим, насыщенным слухами, как губка водой. Он рассказал, что над Кабулом сейчас проходит грозовой фронт, поэтому самолёт задерживают.

– Это, может быть, и лучше. К взлёту ребята освободят бутылки и протрезвевшими пройдут в самолёт, – сказал он.

Между тем накопитель превращался в ад. Вентилятор под потолком слишком слабо вращал лопастями. Нас обступала духота, жара, как говорилось в одном стихотворении Суркова, обжигала глотки. Чтобы выдержать эти условия, мужики беспощадно истребляли алкоголь, принесённый с собой.

– Тут дело не только в жаре, – объяснял лейтенант. – Военные знают, в какое пекло их

отправляют и чем каждому из них это может обернуться, поэтому стараются заглушить страх самым доступным средством.

Пройдёт всего лишь полгода, и сам Ванечка подорвётся на mine. Машина, в которой он будет ехать, чуть сдвинется на обочину, чтобы дать дорогу встречному бэтэру. Журналист получит смертельную рану.

А пока мы, живые, здоровые и чуть пьяные от жары, сидели в накопителе и ждали посадки в самолёт. Вылет откладывался и откладывался. Пассажиры в конце концов опустошили весь свой запас и сидели с осоловелыми глазами. Некоторых даже потянуло на песни. Кто-то затынул русскую народную: «Шумел камыш, деревья гнулись, и двое в лодке перевернулись».

К счастью, аварии не произошло. Всё-таки дали сигнал к посадке.

Озверевший народ штормовой лавиной хлынул на лётное поле. Я тоже подхватила свой чемодан и авоську. Билеты, естественно, никто не проверял. Весь накопитель беспрепятственно перекочевал в салон самолёта. И тут нас, женщин, оставили без нормальных мест. Мужики расселись по скамейкам. Нам достался металлический, мелко вздрагивающий от рёва моторов пол. Я поставила на него чемодан, уселась, устроила на коленях авоську, обняла её, как ребёнка, и в таком положении полетела в Афганистан.

Через час выглянул из кабины лётчик и сказал:

– Перелетаем границу! Теперь мы над сопредельной территорией.

Все, кто сидел рядом с окнами, стали глядеть вниз через иллюминаторы. Что они там, кроме гор, видели? Хотелось подняться и тоже посмотреть, но все смотровые площадки были заняты.

Прошёл ещё час, и самолёт пошёл на посадку. Приземляясь, он хорошо встряхнулся. Моя голова дёрнулась, зубы клацнули, прикусывая губу. Рот наполнился солоноватой влагой, которую сглотнула, кончиком языка зажимая ранку. Возможности достать платок не было, потому что мужчины дружно покинули скамейки и бросились на выход, сметая на пути всех, кто сидел на полу. Меня тоже потащило. Я мёртвой хваткой держалась за чемодан и авоську.

Толпа выплеснулась на бетонную площадку, окружённую солдатами с овчарками – грозными военными животными. Одна с чёрной спиной и

яростными жёлтыми глазами оскалилась на мою авоську. Страстно захотелось вернуться в «аннушку» и улететь домой.

Под усиленным конвоем пассажиров проводили в большой зелёный автобус. Наконец мне повезло. Я устроилась удобно возле окна и приготовилась долго ехать. Но машина метров через триста развернулась, обогнула какое-то кирпичное строение и оказалась возле железных ворот, перед которыми прогуливался солдат с красной повязкой на рукаве и автоматом. За воротами грязно серел палаточный городок. Это был ещё один пересыльный пункт, но уже в Кабуле. Сюда приезжали командированные военнослужащие из Союза и отсюда разъезжались по гарнизонам.

Первый день на пересылке прошёл в каком-то полусне. Я ходила куда-то, требовательно с кем-то разговаривала, чего-то добивалась и под конец устроилась со своими подругами в большую-пребольшую палатку с двухъярусными кроватями и земляным полом.

Особенно меня возмущало отсутствие простыней. Когда узнала, что всё равно их не будет, застелила матрац отрезком ситца, который купила в Ташкенте и привезла, чтобы сшить лёгкое платье или халат.

Как могли, благоустроили постели и остальные женщины. К вечеру палатка обрела терпимый вид. Таня нашла бутылку из-под «Столичной», засунула в горлышко цветок и поставила на столик. Света повесила возле изголовья портрет Есенина. Не все узнавали поэта. Некоторые, особенно мужчины, которые заглядывали к нам, спрашивали:

– Кто это?

– Мой муж! – не моргнув глазом, отвечала Света.

– Симпатичный. Только трубка у него какая-то странная.

Другие женщины посмотрели и тоже достали портреты любимых артистов. Палатка заселилась привлекательными мужчинами. Только у меня никакого не было. Я повесила бы портрет Ванечки, но не успела попросить у него.

На следующий день на пересылку стали прибывать «покупатели» – представители воинских частей, загорелые, весёлые, энергичные. На женщин поглядывали блестящими голодными глазами. Один из них, похихатывая, выспрашивал меня:

– Пойдёшь дежурной модуля?

- Что делать?
- Спать! Ха-ха! Уборкой занимаются солдаты. Ха-ха!
- Не хочу пухнуть от безделья.
- А что хочешь?
- По специальности. Медсестрой.

Прапорщик отвёл взгляд. У него вакансии медсестры не было.

Потянулась скучнейшая, неприспособленная для женщины жизнь на пересылке, похожей на тюрьму. Одна лишь разница – палатки вместо камер. Свободно можно было ходить только по территории, окружённой колючей проволокой и сторожевыми вышками с часовыми. За пределы пункта никого не выпускали. Подруги, которых тоже не забрали, давили:

– Василиса, соглашайся, иначе не выберешься отсюда.

Я выдерживала характер. Отклонила пяток неподходящих для себя предложений, пока не появился настоящий «покупатель». Это был угрюмый прапорщик с большим похожим на выступ скалы подбородком. Видимо, поднимать такой подбородок ему было трудно. Он держал голову наклоненной вперёд и ограничился тремя словами:

– Треба медсестра в агитотряд.

Света ахнула, когда узнала, куда меня сватают:

– Это же поездки по кишлакам, это работа на боевых операциях.

На предложение прапора я отреагировала мгновенно и решительно. В тот же день переместилась на базу десантной дивизии, которой командовал известный генерал Грачёв. Меня встретил у автобуса начальник агитотряда майор Назаров, большеглазый, улыбчивый мужчина лет тридцати. Козырнул и спросил:

– Василиса Александровна?

– Так точно!

Не по дням, а по часам я усваивала привычки военных.

Майор назвал себя, взял авоську, чемодан, обратился ко мне на «вы». Я просто ошалела от такой неожиданной галантности. Пока добирались до штаба, рассказала о своих дорожных приключениях. В ответ он улыбнулся:

– Считайте, что вы приняли первое боевое крещение. Дальше будет легче.

Он привёл меня в просторную комнату с пятью кроватями. Показал, какую могу занять. Не успела я разложиться, как пришёл солдат. При-

нёс тельняшку, кроссовки и комбинезон десантника пятьдесят четвёртого размера. С головой утонула в нём. У меня сорок второй размер. Достала из чемодана ножницы, бритвочку и стала распаривать военную одежку.

За этим занятием меня застали Ирина, Ольга и Валя. Они владели остальными кроватями. Мы мгновенно нашли общий язык. Каждая рассказала о себе. Ирина была из Москвы, здесь работала поваром в столовой. Ольга служила в канцелярии штаба. Валя что-то делала в спецотделе.

Когда они узнали, куда меня сосватали, искренне позавидовали. Потом я поняла почему. Два года прожить в городке очень тяжело, как в заключении. А главное – скука. От неё можно найти такое... развлечение!

Девчонки приняли активное участие в перекройке моего комбинезона. Притащили откуда-то даже швейную машинку. В тот же вечер ушили мою форму, подогнали по фигуре, но так, чтобы женские достоинства не выпячивались ни спереди, ни сзади. Я стала похожа на мальчика-подростка. Вроде женского персонажа из фильма «Гусарская баллада». Во всяком случае, во время рейдов по Афганистану незнакомые мужчины не обращали на меня внимание. Я превратилась в бравого юного десантника, чем была очень довольна.

Жизнь в комнате общежития оказалась для меня серьёзным испытанием. Работали над потолком вентиляторы, разгоняя жару. Они гудели, как трактора, действуя на нервы. Ужасно много было мух. Я как медик особенно хорошо понимала, какую заразу они разносят, и боролась с ними не на жизнь, а на смерть. Приходила с работы и начинала охотиться. В начале особого эффекта не было, потом приноворилась, стала снайпером. До трёхсот насекомых уничтожала каждый вечер.

Труднее было привыкнуть к отсутствию воды. В Афганистане пыль липкая, как тесто. Она густо обмазывает волосы, превращая их в колтун, который невозможно распустить. Я вначале помучилась, потом сделала короткую стрижку под пажа. Отмывала шампунем.

Ещё одно серьёзное неудобство – много мужчин вокруг. Внимание бывает чересчур назойливым. Не успела я оглядеться в дивизии, как меня пригласили на день рождения подполковника Васильцова. Ближе к вечеру в общежитие пришёл десантник под два метра ростом,

вытянулся передо мной, как перед старшим офицером, и выкрикнул:

– Василиса Александровна! Вас приглашают в штаб полка!

– Хорошо, сейчас подойду.

– Провожу вас!

Ничего не оставалось, как послушаться. Девочки уставились на меня с вопросительными взглядами. С чего это Земнухину в такое позднее время потащили в штаб? Легко представить, какие дикие мысли заползали в головах подруг. Да и у самой холодок.

Через минут пять я оказалась за обильным столом, переполненным мясом, фруктами и водкой. Весь офицерский состав полка был здесь. Меня усадили на самое почётное место рядом с виновником торжества. Сказали, что у заместителя начальника политотдела товарища Васильцова день рождения. Потом это оказалось враньём. Придумали, чтобы пригласить меня и свести с подполковником. Я, конечно, ничего этого не поняла. Обратила внимание только на то, что среди гостей не было женщин. Оказалась единственной. Смущение корябнуло сердце и тут же пропало под напором событий. Мне вручили бокал шампанского и заставили выпить до дна.

Потом начались тосты. Первый раз в жизни я увидела, как много тостов поднимают. В каждом такое похвальное слово о подполковнике, словно он Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Сверхумный, сверхдобрый, сверххрабрый. Скоро пришлось увидеть Васильцова в десантной операции. Под обстрелом он прятался за дальним валуном. Недалеко от него взорвалась мина. Взрывной волной отбило осколок от камня и царапнуло спину подполковника. Его перевязали и на вертолёте отправили на базу. Там он отлёживался сутки в своём коттедже, похожем на бочку. Потом голым по пояс, демонстрируя «рану», слонялся по территории гарнизона. Вся дивизия иронизировала над ним. И всё-таки за эту операцию Васильцов получил орден Красной Звезды. Великий герой! Ашшурбанипал, царь Ассирии!

На вечеру моё внимание привлёк капитан, высокий, кряжистый, похожий на Собакевича. Говорун, балабол деревенский. На гармошке играл, пел частушки, ещё успевал анекдоты рассказывать. Я просто влюбилась в него и совершенно забыла об «имениннике».

Включили магнитофон. Пошла какая-то хорошая иностранная музыка. Подполковник при-

гласил меня на танец, трепетно полуобнял, прижался. Офицеры стали деликатно испаряться из комнаты. Даже brave Собакевич исчез куда-то.

Вдруг «именинник» прижался губами к моему уху:

– Знаете, где я живу?

– Знаю, где офицерский состав обитает.

– После ужина жду у себя, – сказал просто, спокойно, деловито.

– Если не приду, у меня будут неприятности по службе? – спросила я. У меня был до автоматизма отработан приём к наглицам. Вслух открывала их желания. Это действовало как отрезвляющий душ.

Васильцов побагровел.

– Что вы? – испугался он.

После танца я покинула пир, быстро ушла в общежитие. Там бросилась в свою постель и разревелась. Как обидно! Разве для этого ехала сюда? И тут же забарабанил в голове другой вопрос. А для чего, собственно, приехала? Только ли для того, чтобы сбежать от опостылевшего мужа? А может, найти новую любовь? Стоп! Давай на этом остановимся!

На следующее утро я в тельняшке, десантном полосатом комбинезоне, панаме устраивалась на обшарпанной холодной броне транспортера. Командир роты заботливый старший лейтенант показывал, куда надо ставить ноги и за что держаться, чтобы не упасть с машины. Такие случаи бывали. Я сама поднимала останки солдата, уснувшего во время движения и попавшего под гусеницу бронетранспортера. Его перерубило поперёк груди. Сперва в мешок верхнюю часть затолкали, потом нижнюю добавили. Впечатление, как после работы в анатомичке...

Дорога вьётся серпантином по горам. Время от времени она взмывает, затем пикирует вниз, ныряет в туннели.

Двигаемся медленно, часто останавливаемся. В это время сапёры обезвреживают мины. И всё-таки один из головных бэтээров подрывается. К счастью, солдаты не пострадали. Обошлось без жертв. Покалеченную машину сталкивают на обочину, и колонна ползёт дальше.

Жара стоит ужасная. Есть совсем не хочется. Только пьёшь и пьёшь воду, которая сразу же выходит потом. К телу липнет вязкая, как глина, пыль. Ощущение такое, будто ты с ног до головы обмазываешься смолой. Голова тупеет, ничего

не замечаешь вокруг, хотя попадаются очень красивые места. В других условиях не смогла бы от них оторвать взгляд.

Когда колонна задерживается на ночёвку, Ваня, мой старый уже знакомый по накопителю в ташкентском аэропорту, стаскивает меня с брони. Сама я двигаться не в состоянии. На землю укладываюсь вялым снопом и бездумно таращусь на лучистые близкие звёзды.

Вдруг небесные светила закрывает худощавое азиатское лицо с чёрными глазами навыкате. Обнажаются крупные белые зубы. Я слышу:
– Эй, шоколад бери!

Чувствую, как в мою ладонь укладывается продолговатая хрустящая плитка. Это Хайдар, наш переводчик, сдержанный, очень вежливый, заботливый таджик и знаток афганской жизни. Благодаря ему я время от времени выбивалась в царство Востока. На беглый взгляд всё казалось экзотическим. Когда на что-то обращаешь более пристальное внимание, предметы увеличиваются в твоих глазах, становятся объёмными и страшными. В одном кишлаке мы с Хайдаром увидели группу оборванных грязных мальчишек. Среди них выделялся подросток лет десяти с огромным кремниевым ружьём, изготовленным в позапрошлом веке.

Я спросила мальчика, умеет ли он стрелять. Через Хайдара получила твёрдый ответ: «Да, умеет!» Чтобы продемонстрировать умение пацана, переводчик подобрал консервную пустую банку, отнёс за сто метров, повесил на ветку дерева.

Мальчишка поднял ружьё и выстрелил. Пуля попала в середину банки. Мы с переводчиком собрали все свои афгани, которые у нас были тогда, и передали столь меткому стрелку за цирковой номер.

Потом Хайдар рассказал, что оружие для афганца – настоящее богатство. Он продаст последнюю рубашку, но винтовку обязательно купит, повесит на стену и будет ухаживать, как за молодой женой.

Афганец никогда не прощает обид. И обязательно отомстит, если случай подвернётся. У Хайдара был друг. Когда ему было пять лет, убили его отца. Друг подрос, скопил деньги, купил винтовку и первую пулю вогнал в лоб того, кто застрелил его родителя.

«Война постоянно порождает мстителей. И это хорошо знал пророк Моисей. Когда вёл евреев к Земле обетованной, то приказывал ист-

реблять всех от мала до велика на землях покорённых племен», – рассказывал Хайдар.

Я не поверила ему. Потом специально взяла Библию и нашла подтверждение.

Так происходит, когда один народ захватывает землю другого, чтобы заселиться. Советский Союз, в отличие от евреев, не искал Земли обетованной в Афганистане. Мы только защищали страну от американских наёмников и помогали людям. Но при этом много нарубили дров. Это меня пугало.

Я чуток забежала вперёд. До кишлаков ещё не добралась. Лежала на земле без сил возле бронетранспортёра. А переводчик старался шоколадом оживить меня. Без аппетита съела сладкую дощечку, ещё минут пять валялась в блаженном отдыхе, затем с трудом поднявшись, обошла солдат, раздавала таблетки против малярии. Моя работа на этот день закончилась.

С утра вновь на броне. Сегодня дорога пересекает пустыню. Нас опалает невероятная жара. Сама удивляюсь, как ещё не испарилась. Больше того, умудрилась вздремнуть и так стукнула руку о броню, что разбила часы и не заметила этого.

Во второй половине дня перед глазами засверкала «зелёнка». Это хорошо и плохо. Хорошо, что в зелени можно спрятаться от палящего, немилосердного солнца. Плохо, что духи обстреливают нас из зарослей. Сегодня пронесло, не стреляли.

Задержались у арыка. Сказала ребятам: «Пошла купаться!»

Со мной отправился Ванечка. Мы облюбовали место возле крохотного водопада. Наплавались, нанярялись досыта. Потом забрались в заросли шелковицы, наелись до отвала чёрных вкусных ягод и даже позагорали. Я почувствовала себя счастливой.

Ванечка провёл со мной политбеседу.

– Обрати внимание на поля. Они заросли. Хозяева бежали в Пакистан, а крестьяне не захотели брать чужую землю. Водно-земельная реформа не пошла.

– И что? – спросила я.

– Социальная база Саурской революции крикнула. Теперь только у новых чиновников есть перспектива в Афганистане.

Мы не стали дальше развивать тему, пошли к бэтээрам с горстями шелковицы за пазухой.

И снова в путь. Сплошная мука. Засыпаешь, просыпаешься на броне. Колонна то и дело останавливается: то одна машина ломается, то другая.

Утром прибываем в район Кунара. Дивизия располагается в долине. Горы облеплены духами. Завтра операция, но сегодня гаубичная батарея пристреливается. От выстрелов орудия подпрыгивают, словно резиновые мячики. Стоит ужасный сплошной гул.

Такое впечатление, будто на вершинах высаживают в несколько рядов кусты взрывов. Страшно представить, что там происходит.

Наконец орудия замолкают. К вершинам устремляются вертолёты с десанниками. С гор уцелевшие духи расстреливают машины. Они покрываются ослепительными вспышками и горящими факелами падают.

Я смотрю и заливаюсь слезами. Со многими ребятами уже познакомилась. На моих глазах они сгорают, превращаясь в белых лебедей. Боль в сердце невыносимая.

Во второй половине дня ребята из агитотряда улетают с десанниками в горы. Провожая. Господи, совсем ещё мальчишки. Сколько всего на них навешано! Пусть они вернуться живыми. Мысленно встаю на колени и молюсь.

Операция идёт неудачно. Много ребят гибнет. Духи расстреляли роту десантников из засады. Помогаю раненым. Вместе с убитыми отправляю в Кабул. Если бы я не работала в хирургии и не привыкла к трупам, то наверняка свихнулась от вида искромсанных тел.

Вечером нам передали пять трофейных коробок медикаментов производства Пакистана. Такое чувство, что наша армия воюет со всем западным и восточным миром. Даже китайцы, братья навек, присылают духам зенитные комплексы, которые сбивают наши вертолёты.

Нас обстреляли на КП. Пули свистели вокруг. Одна шлёпнулась в стенку возле моей головы. Звук такой, словно кто-то рядом громко и противно чмокнул. Самое удивительное, что при обстреле я не ощущала опасности. Сердце засвербело, когда обстрел прекратился.

Ночью ЧП. Сгорела палатка отряда. Солдат неосторожно закурил. Я спала в десяти метрах от палатки и во время пожара не шевельнулась. На такие мелочи уже не обращаешь внимания. Утром посмотрела на себя в зеркало. Вид чрезвычайно боевой. На скуле синяя ссадина. Где успела посадить, не помню.

Отправляемся в освобождённый кишлак, разбираем лагерь рядом. Приступаем к работе. Раздаём муку, спички. Показываем фильм о Саурской революции. Бодрый голос за кадром рассказывает, как она успешно проходит.

Оператор показывает дехкан с винтовками. Они разгуливают вдоль полей, как говорит диктор, своих полей.

Ванечка сидит рядом со мной и скептически улыбаётся:

– Обрати внимание. Ни одного с кетменём для окучивания посевов и рытья арыков. Они не работают, а с оружием защищают землю помещиков от представителей Саурской революции. Помнишь песню на слова Светлова о комсомольце, который пошёл воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать, и за это получил пулю в грудь. В Афганистане духи отстреливают борцов за чужое добро. Если бы не мы, не наша армия, всё здесь скоро вернётся на круги своя.

Не нравится мне настроение журналиста. Правда, в заметках, которые он публикует в дивизионной газете, он пишет совсем не о том, что думает.

Проводим митинг. Наши агитаторы говорят правильные слова. Не знаю, насколько они вдохновляют людей, но слушают их внимательно. Не перебивают. Иногда мне кажется, что слова похожи на камни, брошенные в реку. Падают, булькнув, уходят на дно и там теряются.

Народ оживляется, когда начинается вторая часть после митинга. Жители с болячками тянутся ко мне. Женщина привела семилетнюю дочь с большим гнойным нарывом на руке. Вскрыла, почистила рану, забинтовала. Прихрамал важный старик в чалме и босой. Поставил ногу на табуретку. Я глянула и ахнула – пальцы без кожи. Привели меня к больной женщине. Оказалось, ничего особенного. Сильная простуда. Дала ей таблетки, посоветовала, как лечить. Только собралась уходить, как бабулька, очевидно, мать больной, вдруг привалила меня к стенке, провела рукой по груди и хихикнула:

– Ханум!

В форме десанника я походила на мальчишку. Вот они решили проверить мой пол. После этого женщины кишлака доверчиво давали себя осматривать...

Как непросто с ними общаться! С врачом, переводчиком захожу в дом. Радушно встречает

хозяин и хозяйка в парандже. Приветствуем друг друга, раскланиваемся и приступаем к делу.

Жена говорит мужу, муж – переводчику, переводчик нам:

– У женщины болит плечо.

Я протягиваю руку к плечу. Она проворно отстраняется и что-то горячо толкует мужу, тот переводчику, после двух часов непрерывных переговоров выясняем, что у хозяйки какое-то женское заболевание.

Я ухожу с ней за ширму. Она знаками показывает, что мне надо снять рубаху. Не верит, что я женщина. Чтобы убедить её в этом, покорно раздеваюсь до пояса. Теперь уже все доказательства моей женской принадлежности налицо. Хозяйка верит мне и тоже начинает раздеваться.

Через ширму рассказываю доктору, что вижу, по моим словам он ставит диагноз и назначает курс лечения.

Когда мы, взмыленные, вываливаемся из дома, врач рычит на переводчика:

– Нашёл плечо!

Я не выдерживаю, прыскаю...

Снова идём по домам. Врач рассказывает, как оказывать себе первую медицинскую помощь. Я показываю до тех пор, пока мои слушатели не усваивают. К концу дня язык немеет во рту. С шеей вообще беда, не могу голову повернуть. Нет, мы всё-таки не евреи на пути к Земле обетованной.

На площади собираются жители. Афганский поэт Сабаун говорит стихи. Я не понимаю его слов. Слушаю голос, похожий на эхо в горах. Наверное, что-то есть в поэзии, если она так завораживает. Решила – вернусь в Кабул, обязательно начну читать стихи наших советских поэтов.

Затеяла печь пончики, но тесто не подошло. Только на следующий день утром допекла. В гости ко мне в палатку пришли переводчик и Сабаун. Поэт важно присел за столик, и мы втроём пили чай, ели мои пончики.

Ванечка утягивает меня в гости к местному мулле. Это пожилой человек с густой белой бородой, редкими жёлтыми зубами и в чалме. Зовут его Нурмухаммад. Он встречает нас троих (журналист, переводчик, я) очень приветливо. Ванечка берёт у него интервью. Задаёт первый вопрос:

– Как народ относится к государственной власти?

– Плохо! – отвечает мулла. – Нет справедливости. Губернатор – взяточник. Секретарь провинциального комитета такой же. Без подарков никому ничего не делают. По таким представителям судят о всей власти...

Операция продолжается. На вертолётах привозят раненых. У нас с врачом очень много работы. Услышала о подвиге Саши Мищенко. Он поэт и десантник. Из агитотряда перешёл в разведроту. Там один умудрился захватить пулемёт, несколько гранатомётов у врага.

Духи обстреляли афганскую и нашу колонну. Сидишь на бронетранспортёре и не знаешь, какая пуля срежет тебя. Неприятное чувство! А что делать? Не спрыгнешь и не сбежишь в кусты «зелёнки».

БТР и БМП, на которых мы ездим, ребята называют братскими могилами пехоты. Из-за тонкой брони они совсем не оберегают солдат от мин и гранатомётов. От взрывов образуется ужасная крошка из тел. Поэтому личный состав предпочитает сидеть на броне и устраивать открытую дуэль с духами. Тогда взрывы под колёсами или гусеницами не достают их. Только бедняге-водителю приходится принимать на себя всю смертельную тяжесть минной войны.

Во время операции сгорели около тридцати машин. Много убитых, раненых. Работаем не покладая рук. Трое бойцов из афганской самообороны подошли ко мне и попросили полечить их начальника Насима.

Зашла с ними в домик. На кровати лежал афганец с умным интеллигентным лицом. Осмотрела его. Кажется, ничего серьёзного. Просто сильное истощение. Посоветовала, как лечиться.

...К вечеру поехала с ребятами к реке, чтобы потренироваться в стрельбе из автомата. Мишенями были пустые консервные банки. Всё сбила пулями. Довольна своими результатами, но, откровенно, не люблю оружие. Ребята заставили меня сфотографироваться с автоматом. Когда отпечатали снимок, долго смеялись. Автомат висел у меня на плече, как мирная женская сумочка.

...Погиб Костя Каплин, весёлый, очень хороший мальчик из агитотряда. Его грузовик, давая ход встречной машине, съехал на обочину дороги и подорвался. Осколок мины попал ему в голову. Солдата, который сидел рядом с ним, ранило в грудь. Обоих положили в вертолёт. Я сопровождала ребят до Баграма. Там сдала

раненого и убитого в госпиталь. Оттуда прилетела в Кабул. С аэродрома до базы дивизии шла пешком без оружия. Так тяжело было на душе.

В тельняшке, десантной куртке, то есть в обычной одежде, с котом Кузей на коленях три часа позировала московскому художнику, приехавшему в нашу дивизию. Когда после сеанса глянула на свой портрет, ахнула. В моих глазах плавилась боль воюющего Афганистана. Говорят, мой портрет пойдёт на художественную выставку в столице. Но это меня совсем не радует. Я оступела от страданий. Если они воплотились в моём афганском облике, то стоит ли тревожить нормальных далёких людей. Пусть живут спокойно!

...Меня вызвали в штаб и сказали, что надо отправиться в Чагчар. Там присоединиться к своей агитбригаде. Сопровождающим будет Джумахан, туркмен по национальности, замполит командира афганского батальона. Знает русский, не то чтобы очень, но его понять можно. Он возвращается после командировки в Кабул к себе в часть, на территории которой наша агитбригада.

Нас познакомили, мы вдвоём двинулись в путешествие. Сперва в аэропорт. Там пришлось долго ждать самолёта. Я уселась в сторонке и стала терпеливо коротать предполётное время, разглядывая пассажиров. В основном это были военные, наши и афганские. В сторонке сидела толпа цыган, мужчин и женщин. Я удивилась. Удивительное экзотическое племя, где только ни встретишь его представителей. Даже война не помешала ему катиться по горам Афганистана. Куда они направляются таким дружным горластым колхозом?

Мой сопровождающий Джумахан тоже нашёл себе занятие. Он присел возле афганского офицера. Оба заговорили на дари. Очень скоро диалог перешёл в монолог. Джумахан понимающе улыбался, кивал. Афганец, видимо, на что-то жаловался. Его усатое лицо было сердитым. Он словно отстреливал слова.

Наконец на бетонном поле появился Ан-26 зелёного цвета. Первыми к нему выдвинулись солдаты с автоматами на животе. Они отсекали других пассажиров и встали в две шеренги перед трапом. Между ними прошли два афганских

генерала. Никого не пустили, пока они не поднялись на борт.

Я спросила Джумахана, что ему втолковывал офицер.

– На судьбу жаловался. У него в части командиры пуштуны. Он таджик. Поэтому его обходят наградами и не повышают в звании. Не знает просто, что делать. К оппозиции, что ли, убежать? Но и там нет справедливости.

Наконец мы поднялись в самолёт. Он был набит пассажирами, как бочка рыбой. Даже весь табор оказался в нём. Люди сидели на узлах, ватных одеялах. Передо мной пристроился, поджав ноги, худой, дочерна загорелый старик в коричневой шапке. Его раздвоенная седая борода была вздёрнута, отчего он имел величественный вид.

Я наклонилась к Джумахану:

– Почему в военном самолёте гражданские лица?

– Тити-мити!

В процессе недолгого общения я заметила, что мой сопровождающий старается сверкнуть знанием заковыристых русских слов.

– Какой Митя? – не поняла я.

Широкое лицо Джумахана расплылось в необъятной улыбке.

– Бакшиш, взятку дали лётчикам, – криком объяснил он.

Самолёт загудел так, что мы прекратили разговор.

Первые тридцать минут полёта прошли нормально. Самолёт поднялся в солнечное голубое небо. Внизу темнели горы морщинками в складках земли.

Потом машина вдруг очутилась в грозовом облаке. Нас сильно встряхнуло, будто кто-то сверху саданул кулаком по фюзеляжу. Я упала коленями на пол, с трудом поднялась.

В это время самолёт швырнуло вниз, сердце отчаянно забилось возле горла. Мы падали, крепясь на левое крыло. Вокруг кричали. Барахтались люди среди узлов и чемоданов. Женщины сорвали с себя накидки, открывая белые от ужаса лица. Старик просто лежал на спине, беспомощно раскинув руки. Я вдруг повисла над этой кучей-малой, которая вдруг тоже потянулась вверх, закрывая телами окна. Я ощутила удар мешком по коленям. Старик, выпучивая красные набрякшие глаза, навалился на мою грудь. Я ухватила его за плечи и попыталась отжать от себя. Но в этот момент самолёт свечкой пошёл

вверх, и толпа полетела в хвост. Я зависла, держась за сидение.

Что было потом, смутно помню, а вернее, ничего не помню. Пилотам каким-то чудом удалось вырваться из грозового облака и посадить на аэродроме самолёт. Как только он приземлился, распахнулись двери кабины. Из неё выскочили пилоты, перепуганными газелями проскочили по салону и выпрыгнули на лётное поле. Вслед вымело пассажиров со всеми их шмотками.

Я выбралась последней и увидела незабываемую картину. По всему полю на коленях стояли люди и молились, оглаживая свои лица руками. Впереди толпы молились два генерала...

– С крещением вас, Василиса! – сказал Джумахан, морща белое лицо.

Когда я добралась до своего агитотряда, майор спросил меня:

– Как полёт?

– Трусы надо постирать и просушить, – ответила я.

Сегодня у нас собрание. Назаров подробно рассказывает, как он вёл переговоры в мятежном кишлаке. Постараюсь в деталях пересказать.

В агитотряде был мулла, добрый услужливый мужчина, которого мы любили и уважали. Он посвящал нас в местные нравы, которые приходилось учитывать при общении с жителями.

Когда майор захотел попасть в этот опасный кишлак, мулла сказал:

– Туда мы пойдём втроем. У нас существует обычай. Человек, который зашёл в кишлак без оружия, является гостем, неприкосновенным.

Назаров отдал автомат солдату и прыгнул с бэтэра. За ним последовал переводчик Хайдар. Солдаты осторожно сняли с брони уже пожилого муллу.

– В пасть тигру лезем, товарищ майор, – сказал переводчик.

– Бог не выдаст, свинья не съест! – бросил начальник агитотряда. У него хоть и было воинское звание, но он не являлся профессиональным военным, а был профессиональным партийным работником. К нам его направили из какого-то горкома или обкома. Там, рассказывали ребята, не прижился из-за своего чересчур самостоятельного характера. Его «выдвинули» в Афганистан. Александр Александрович Назаров оказался человеком смелым, решительным,

умел работать нестандартно. Поэтому мы нередко оказывались в тех местах, куда не ступала солдатская нога. На нас афганцы смотрели там, как на космонавтов.

Помню, однажды мы шли к одному богему забытому кишлаку. Навстречу нам попался дедушка с осликом. Разговорились. Когда дедушка узнал, что мы из Кабула, спросил, как здоровье короля Мухаммада Надиршаха. Король был убит ещё в 1933 году. Старец об этом даже не слышал. Помню, этот факт поразил нашего майора. «В каком времени живут здесь люди?» – невольно воскликнул он.

В мятежный кишлак пошли втроем: мулла, переводчик, майор.

Навстречу депутации выскочил очень чёрный мужчина, загорелый, угрюмый, молодой, сильный. Мулла поговорил с ним. Мужчина повернулся и быстро пошёл в кишлак.

Переводчик сказал майору:

– Мулла сообщил ему, что к ним в кишлак приехал большой русский начальник. Хочет поговорить.

Появилась стайка одетых в рвань чумазых, горластых ребятишек. Они сразу окружили майора, его спутников, провели на площадь рядом с мечетью.

Мулла сказал:

– В мечеть лучше не заходить. Это не понравится.

– Что ж, тогда поговорим на площади, – согласился майор.

Вокруг гостей сбилась толпа. То, что в дальнейшем произошло, растрогало до глубины души начальника агитотряда.

Из всех окружающих домов жители принесли одеяла, расстелили на камнях. Сверху положили подушки. Особенно много их оказалось за спиной майора. Он откинулся, как на спинку кресла.

Вокруг него расселись старики. Каждый из гостей получил пиалу. Когда в чай майора влетела муха, один из аксакалов, чтобы показать своё почтение гостю, засунул грязный палец в чай и выбросил насекомое на подушки. Майор рассказывал нам, что он с внутренним содроганием смотрел на эту процедуру, а потом пил чай, надеясь на то, что кипяток дезинфицирует бактерии. Так оно и случилось. Наш начальник не заболел.

Потом начался дипломатический разговор в восточном духе. Майор говорил коротко, лако-

нично. Переводчик цветисто раскрашивал каждое его слово стилистикой, выражающей крайнюю почтительность и намёки, хотя разговор шёл о простых вещах: почему кишлак не поддерживает государственную власть?

Старейшина отвечал. Кишлак готов поддерживать власть, но власть не может защитить жителей от душманов. А самим защититься невозможно, потому что половина мужчин служит в армии, другая половина на стороне оппозиции. Поэтому приходится придерживаться тех, кто может защитить людей.

Логика была в словах старшины. Майор видел, что за толпой сновали молодые люди, крепкие, с заросшими лицами, явно духи. Они косились, как горячие кони, но в разговор старших не вмешивались.

Всё-таки встреча с жителями мятежного кишлака не прошла бесследно. Афганцы обещали не воевать с шурави. Шла политика национального примирения. Такая позиция была очень выгодна для нас.

Наступил октябрь. Обитаю на мироновской заставе, лечу солдат. Заставу создал лейтенант Миронов под жестокими обстрелами духов. Теперь он давно уехал на Родину, слава богу, живым и здоровым. Его имя осталось в Афганистане. Наверное, остаются в памяти людей имена тех, кто был первым. А что я сделала первой? Пока ничего.

Цельми днями от меня не отходит Катька, здоровенная серая овчарка. Когда-то она была в нашем отряде, но с ней было много мороки. Мы отдали её на заставу. Здесь она ощенилась. Её детишек раздали. С ней остался чёрный, симпатичный, неугомонный. В свободное время не выпускаю его из рук. Люблю животных. Они отвечают мне взаимностью.

Ночи стоят светлые, холодные. Хорошо, что нам завезли тулупы, поэтому не мёрзну. Ночами не спится. Встаю, топлю печь, смотрю, как танцует огонёк... Думаю обо всём. Почему-то больше о Насиме. Он приезжал в Кабул, разыскал меня. Мы сфотографировались возле бэтээра. Он высокий, я маленькая. Попросила его чуть-чуть присесть, чтобы он вошёл в кадр. Он согнулся.

На заставе солдаты предложили мне помыться в баньке, которую они соорудили на моих глазах. Здесь ко мне относятся галантно, всё время пытаются чем-нибудь угостить. Солдат-

ский паёк очень скуден. Всё равно ребята стараются самое вкусное выкроить для меня. Это трогает.

И с баней. Не так просто было найти на голых склонах дерево. Используя солдатскую смекалку, нашли, соорудили, но помыться я не успела. Вдруг почувствовала дым, который усиливался с каждой минутой. Быстро оделась, выскочила, крикнула солдату: «Что-то горит!» Он рванулся в баню, но было уже поздно. Баня на глазах сгорела дотла.

Работала в кишлаке Пуличархи. Васильцов привёл сюда на экскурсию двух молодых женщин. Они ходили, удивлялись необычной обстановке. Я была рада. Скорее бы он нашёл кого-нибудь и оставил меня в покое. Подполковник был не из тех мужчин, которые признают поражение от женщин. А тут на глазах всей дивизии получил от ворот поворот. Это задело его за живое. Одна известная американская актриса сказала: «Всякая женщина – это тайна, покрытая платьем». С настойчивостью маньяка Васильцов старался заглянуть под моё платье. Я не понимала его настойчивости. У нас в части были дамы, как Таня, которые готовы в любое время не только приподнять подол, но снять все другие покровы со своей тайны. Но нет, ему почему-то не хотелось открывать другие «тайны», как будто у меня хотел увидеть нечто принципиально новое и незнакомое. Меня это напрягало и заставляло бояться его.

Последние две ночи на заставе не спала. Вечерами донимала ужасная жара, а ночью мыши. Ребята под потолком повесили парашютную ткань. Мыши носились по этой ткани как угорелые. Я боялась, что какая-нибудь свалится на меня. Тогда сердце разорвётся. Мыши для меня страшнее душманских пуль.

Наконец под Новый год закончилась военная операция. Мы вернулись в Кабул. В штабе дивизии узнала страшную для себя новость. Подорвался на mine симпатичный дорогой для меня Ваня Чуприков. Я любила его за порядочность и смелость. Эти черты характера редко увязываются в одном человеке. Есть очень хорошие люди, но робкие, не умеющие отстаивать свои принципы. Несмотря на молодость (ему было немногим больше двадцати лет), Ваня умел. Это стоило ему очень дорого.

Однажды мы сидели на бэтээре во время остановки колонны. За увлечённым разговором не заметили, как подошёл к машине Васильцов, каменный от злости.

– Чего расселся с этой бабой! – заорал на лейтенанта.

В части были женщины, которые на виду у всех вечерами ходили в коттеджи старших офицеров. Никто не смел их оскорбить. У меня не было покровителя с большими погонами. Поэтому приходилось выслушивать такое!

Чтобы не узнать ещё что-нибудь от замполита, я спрыгнула с брони. Ваня остался лицом к лицу с подполковником и срывающимся от внутреннего волнения голосом выговаривал старшему по званию:

– Вы не имеете права оскорблять женщину!

Глаза замполита сузились в недобрые полоски. Я отошла в сторону и не слышала, о чём они толковали. Ванечка вернулся ко мне с известковым лицом и протяжно выдохнул:

– Ну и гад!

Теперь мой заступник лежал в реанимации.

Не переодеваясь, бросилась к нему. Когда заскочила в палату, его переворачивали на живот. Подождала конца процедуры. Когда ушла медсестра, присела и с мягким укором покачалась:

– Прости, не уберегла тебя, Ванечка!

В глазах лейтенанта блеснули слёзы. Прозрачная капелька просочилась сквозь ресницы, скаталась в ямку запавшей щеки.

Не помня себя, выскочила из палаты, целый день ходила как потерянная. Вечером вымыла голову. Потом пила чай, девочки сушили феном мои волосы. Боль в душе чуть-чуть притихла.

...Подруги смотрят на меня с завистью. Разъезжаю по Афганистану, много вижу. Они живут взаперти. Два года прожить в военном городке очень тяжело, это как пробыть в заключении. А главное, скука!..

Теперь Татьяна неделями не бывает в общении. Кажется, она сошлась с Васильцовым. Он перестал смотреть на меня волком.

Как-то я спросила Танюху:

– Как с ним?

– Хорошо. Настоящий бычок!

– А ты?

Таня не смутилась от моего прямого вопроса. Она лучезарно улыбнулась:

– Я корова!

Что удивительно, ему не захотелось расставаться со своей «коровой». Когда его служба в Афганистане закончилась, он получил ещё одну звезду на погоны и уехал в Союз. Татьяну забрал с собой. После этого я потеряла их след.

...У меня новость. Моя лучшая подруга Света выходит замуж. Своего будущего мужа она влюбила в себя пирожками с ливером. Она работала поваром в нашей столовой. Пирожки у неё получались отменные. Когда Егорушка (старший лейтенант и командир роты) возвращался с боевых заданий, то курс держал прежде всего на столовую, где заказывал полную тарелку пирожков. Но до полной сытости ему всегда не хватало ещё штук пять. Света вначале возмущалась: «Он один съедает у меня всё, что приготовлю». Потом, когда у них началась настоящая дружба, она для своего Егорушки стала готовить усиленные порции. Он, поедая, говорил: «Когда вернусь в Союз, что буду делать без твоих пирожков. Выходи за меня замуж!»

Сперва это говорилось как бы в шутку, а потом старлей принёс букет эдельвейсов, которые нарвал на вершине, отбитой у душманов, в зале столовой встал на колени и предложил поварихе вместе с цветами руку и сердце. Света не отказала ему. Предварительно она разошлась с мужем, усиленно заколачивающим деньги на Шпицбергене.

Я спросила её:

– Как же твой эгрегор?

– Владик сам разрушил. Где-то нашёл женщину. Я сразу почувствовала, когда он изменил. А на второй день Егор стал оказывать мне знаки внимания.

Я подумала о своем эгрегоре. Почему он такой прочный вокруг меня? Никого не допускает.

Совсем недавно сватался Насим:

– Поедешь ко мне в гости?

Чтобы не оскорбить его чувств, сказала, что я человек подневольный, могу поехать только с разрешения командира.

Он пошёл за разрешением, через десять минут вернулся. На нём не было лица. Схватился за голову:

– Не отпускает тебя.

Потом Назаров прибежал:

– Василиса, ты собралась в гости к Насиму?

Не могу отпустить без охраны.

Какое свидание может быть с ротой солдат?!

БАХРАМЕИЧ

Хроника боевых действий смертника

Так и не состоялась моя личная жизнь в Афганистане. Насим мне очень нравился. Я могла бы выйти за него замуж. Но не судьба!

Добивались и другие моего внимания.

Идём на экскурсию в дуканы. Цены там кусаются. Совсем не по карману медсестре. Но смотреть на вещи интересно. Ювелирные изделия под восточную старину. Косметика из Франции.

Настроение испортил мой спутник.

– Купить тебе шубку?

Среагировала мгновенно:

– И меня заодно?

– Не-ет! – испугался он.

Моя экскурсия закончилась в книжном магазине. Там купила несколько томов Драйзера на русском языке. Была страшно довольна. Даже простила спутнику нескромное предложение.

...Свадьба Светы прошла замечательно. Большой шумной компанией мы поехали в наше посольство. Там была организована регистрация. Процедура прошла, как положено. Записи в книгу, выдача документов, торжественные поздравления, обмен кольцами, поцелуи жениха и счастливой невесты.

В заключение военный народ решил распить бутылку шампанского и попал под санкции горбачёвской войны с алкоголизмом, которая развернулась по всей нашей стране и территориям, где присутствовали представители советского народа. Посольские чиновники решительно отказали нам в фужерах. Но бывалые вояки не растерялись. Прямо здесь же стали пить из горла. Никто из чиновников не стал вырывать бутылки из рук, привыкших к оружию.

Этот эпизод не испортил нам настроение. Мы навеселе вернулись в гарнизон и там уже в своей обстановке продолжили свадебные торжества.

Потом, когда всё закончилось, я украдкой спросила Свету:

– Теперь построила новый эгрегор?

– Да! – воскликнула она и от избытка чувств обняла меня.

14 декабря. На плацу вручает награды солдатам и офицерам Павел Грачёв, Герой Советского Союза, наш комдив. Он протягивает мне удостоверение, коробочку с медалью, пожимает руку.

– За активное участие в двадцати боевых операциях!

Это было идеальное место для засады: слева – густая «зелёнка», в которой можно полк упрятать, справа – высокая в шрамах, сколах гора, похожая на серый чайник с острой крышкой. Подножие опоясывала шоссе-дорога, по которой катилась колонна из шестисот грузовиков с хлопком под охраной танка и трёх бронетранспортёров.

Мы хорошо знали повадки духов. Они поджигали боевую технику в голове и хвосте колонны. Всё остальное запиралось как бы на замок с двух сторон и сжигалось гранатомётами. Бывали случаи, когда дотла. Для нашей колонны духи приготовили сюрприз. На пути следования поставили две противотанковые мины и сверху забросали железками, обозначили опасное место.

Я с ротным, капитаном Митрофановым, и помощником командира взвода Сашей Ротарём сидел на танке впереди колонны. Мы сразу же увидели мины. Ротарь соскользнул с брони. Но ему не дали добраться до мин. Отсекли плотным пулемётным огнём сверху.

Духи со своими пулемётами сидели не только в «зелёнке», но и на каменном «чайнике», где отрыли окопы и устроили амбразуры. Оттуда поливали нас огнём. Танки и бэмпэшки яростно огрызались. Пока шла дуэль, в колонне стали факелами вспыхивать машины, подождённые со стороны «зелёнки».

Ротарю перед стеной свинцового ливня пришлось отступить. Он забрался под днище танка, уткнулся носом в асфальт, обхватив ладонями голову. Капитан соскользнул с брони под обрыв, решив под его защитой пробраться к минам. Но и тут ему не дали высунуть нос.

Теперь решали секунды.

Меня словно кто-то сильно толкнул в спину. На соревнованиях за звание мастера спорта я не бегал так быстро, как сейчас. Моё тело будто превратилось в вихрь, который подлетел к минам, разбросал железки, поставил взрывчатку и кинулся назад. Ошеломлённые духи не успели меня поразить. Пули просвистели у головы.

Я с такой силой бросился под танк, ударился о днище, что на миг даже потерял сознание. Когда очнулся, услышал впереди два мощных взрыва. Для меня они прогремели торжественно, как Ленинградская симфония. Потом почувствовал, как кто-то подхватывает меня за плечи и припод-

нимает. Открыл глаза – Ротарь. Глаза безумные, вращаются, как колёса. Сумасшедший вид у парня!

– Ну, Вахрамеич, ты в рубашке родился! Ты такое сотворил! Такое! – крикнул он и потащил меня из-под танка наверх к башне.

Я запрыгнул на броню, оглянулся. Вдоль дороги вздымались к небу красные факелы. Окрашивались огоньками стволы пулемётов бэтэ-эров. От них строчки пуль тянулись к вершине горы. Капитан выбрался из-под обрыва и тоже взгромоздился на броню, вода харкающим стволом автомата в сторону «зелёнки».

Танк, лязгая гусеницами, стремительно выбирался из зоны обстрела. За ним летела полуживая колонна. Вспыхивали ещё машины, однако напор душманов слабел. Над ними уже гудели «вертушки» со звёздами – четыре вертолётки М-24. Они облюбовали огнём вершину горы и «зелёнку». Духам стало не до колонны.

Когда место засады оказалась далеко позади, капитан снял каску. Вытер пот с широкого морщинистого лица и сказал:

– Вахрамеич, я представлю тебя к званию Героя Советского Союза! Ты сегодня стал Матросовым и выжил.

Теперь хочется рассказать, как я попал в Афганистан. Начну со своего детства. Говорят, с кем поведёшься, от того и наберёшься. В детстве я набирался от своего деда Дмитрия Сергеевича Вахрамеева. Человек он был, как тургеневский Хорь, высокий, сильный, белоголовый и мудрый. Говорил медленно, рублеными фразами, похожими на пословицы. Я на всю жизнь запомнил некоторые из них: «Труд всему помога», «Только труд из всех бед вытащит», «Не юли, говори всегда как есть», «Будь честным». Потом я понял, опорную философию он взял из своей многострадальной жизни.

До революции дед содержал крепкое хозяйство. Не богатое, но крепкое. У него были корова, бычок, лошадь, овцы, куры, гуси. Всё это досыта кормило большую семью из восьми ребятишек.

После Гражданской войны административные инициативы советской власти разорили деда. В деревне, где он жил, организовали коммуны, куда загнали бедняков и середняков. У бедняков, естественно, в домах можно было шары катать. Оставались середняки с кое-каким нажитым добром.

К деду пришли и сказали: «Сдавай живность в коммуну». Закопослушный крестьянин отдал всё, что у него было, начиная от куриц и заканчивая лошадью. Власть тогда считалась бедняцкой. Её представители стали управлять коммуной. Каждый из них раньше не мог дать ума своему личному хозяйству, не смог на разумный путь поставить и общественное. В первую же зиму вся живность коммуны передохла в стайках от голода и холода.

В тридцатых годах новое веяние – колхозы. Запёрли туда и деда. Как там хозяйствовали, даже вспоминать Дмитрию Сергеевичу было страшно. До начала войны сменили двадцать четыре председателя. Одних расстреляли как врагов народа, других посадили, третьих сняли с работы. Последние были счастливы – легко отделались, остались живы.

Дед оказался умным. Смекнул, что надо советской власти. Окончил курсы трактористов, стал работать в МТС. Получал восемь килограммов зерна на трудодень. Жизнь у него снова выпрямилась, пока не подкосила война. В 1943 году он оказался под Ленинградом. Как воевал? Запомнился случай, который рассказал дед. На фронте он был связистом. Однажды шёл бой, а телефонный аппарат, который был связан с батареей миномётчиков, не работал. Пришлось деду ползти в тыл за новым аппаратом. Притащил, поставил, а тот снова не работает. Деда хотели отдать под трибунал. Но командир батареи разобрался и отменил свой же приказ. Оказывается, деду вручили неисправный аппарат. Наказали тех, кто был виноват в халатности.

Дмитрий Сергеевич не просто рассказывал свои фронтовые эпизоды, к каждому прицеплял мысль. «Правда всё равно своё возьмёт!» – сказал он, завершая историю с бракованным телефоном.

После войны дед работал помощником комбайнёра. Однажды у него закружилась голова. Упал и только чудом не попал под колесо. Пришлось уйти в пилорамщики. С этой рабочей должности перебрался на пенсию и занялся пчёлами. Пасеку держал на вершине горы рядом с посевами ржи, с которой дедушкины пчёлы собирали нектар.

Родители с детства отправляли меня к нему на помощь. Я кормил пчёл, ухаживал за ними, переносил колодки, а главное, таскал воду от родника у подножия горы. Тропинка круто шла вверх по склону.

Не так просто было подниматься с полными ведрами. Сперва уносил по половине ведра, потом по ведру, а потом и два мне уже были по силам. Такие походы по несколько раз в день укрепляли мою выносливость и волю.

Когда осенью я возвращался от деда домой, мать с удовольствием оглядывала меня и говорила:

– Растёшь как на дрожжах.

После шестого класса потянуло в спорт. Начал с лыж. На тренировках преподаватель порой брал мою руку, щупал пульс и с одобрением говорил:

– У тебя сердце хорошее.

В молодости тянет к экзотике. Я забросил лыжи, увлёкся самбо, таскал штангу, даже гимнастикой позанимался.

На столе лежала жёлтая официальная бумажка. Это была повестка. Я сгрёб бумажку и поехал в военкомат. Там вручили другую повестку, на расчёт. Пошёл на работу, передал мастеру. Тот повертел, попросил посидеть в комнате киповцев и отправился к начальнику цеха. Оттуда вернулся с грустным лицом. Ему не хотелось расставаться с опытным уже слесарем. Киповцы у нас были штучным товаром. Чтобы нутром понимать приборы, надо проработать не менее десяти лет. У меня стаж был гораздо меньше, но, как говорил наш мастер, я подавал надежды.

– Уезжал в Ленинград, а приехал в армию, – грустно пошутил мастер, подписывая приказ о моём увольнении.

Всё-таки на первых порах в армии старался быть лягушкой, которая, попав в сметану, пытается разными способами выбраться из банки. Известно, что служба в армии начинается с карантина. Там разглядывают тебя под лупой, прикидывают, к какой работе годен, куда направить, формируют команды. Естественно, делишься с ребятами своими соображениями. Один всезнающий новобранец рассказал в столовой, будто в войсках есть спортивные роты. Куда набирают особо выдающихся спортсменов. Они затем выступают за ЦСКА.

Я считал себя выдающимся. Непросто было в двадцать лет стать мастером спорта. Как только на мне оказалась солдатская форма, перед занятиями зашёл в штаб и постучал в дверь кабинета заместителя начальника части по спортивной работе капитана Стрельцова. По виду

это был свой человек, круглоголовый, плечистый, с накаченной бычьей шеей. Чувствовалось, он профессионально занимался борьбой. С ним удалось душевно поговорить. Я рассказал ему о своих тренировках под руководством чемпиона Европы, об успешном забеге в Ленинграде. Сказал, что мне не хочется ломать свою спортивную карьеру. Капитан с пониманием отнёсся к моему желанию. Пообещал потолковать с начальством. Может, удастся выцарапать меня из специальной команды и до конца службы оставить в карантине. Договорились, что я на следующий день зайду к нему.

Так неожиданно узнал, что меня зачислили в какую-то специальную команду. В голове сразу же закрутились шарики-винтики. Во мне мгновенно разгорелось пламя любопытства. Чтобы потушить его, за разъяснениями я обратился к замполиту.

Тот секунду помолчал, потом сказал:

– Это не секрет. Поедешь в Афганистан.

Капитану Стрельцову не удалось пристроить меня в карантине на физкультурную работу. Я оказался вскоре в учебном центре Ташкента. Здесь стал готовиться к минной войне. Ребята, побывавшие в Афгане, сапёров называли смертниками. Это слово вызывало во мне дрожь.

В учебке нас натаскивал старший сержант Голуба, внешне невзрачный мужчина, беленький, хрупкий, пальцем можно перешибить. Вначале ребята чуть ли не по плечу его хлопали. Когда же вышли в поле и стали щупами искать заложенные им мины, то отношение к нему изменилось. Увидели, что он сапёр-ас, который может разгадать все душманские уловки, разработанные американскими инструкторами. Ребята про себя стали называть сержанта Голубок.

Голубок любил не только разгадывать ребусы с минами, но и петь. Голос у него был не особенно сильный, но чистый. Принесёт гитару в палатку, где мы отдыхали, сядет у кого-нибудь на кровати и начнёт перебирать струны:

*На перевале в глухом ущелье опять стрельба.
Остались трое лежать на камнях. Ведь смерть
глупа.*

А может, завтра такая ждёт меня судьба?

Здесь в нас стреляют.

Здесь, как и прежде, идёт война.

Голубок показал ещё одну сторону своего характера.

В тот день солнце жарило на сорок градусов. Люди маячили только в густой тени деревьев, ещё в очередях за мороженым. К таковой я и пристроился возле кинотеатра. Тут из-за угла здания с колоннами вывернул парень. На его лобастой голове панама со звездой торчала, как помятый зелёный холм. Куртка с четырьмя накладными карманами распахнулась до пупа. На ногах – голубые кроссовки с загнутыми носками. Суший партизан! Только не хватало автомата на груди. Стоявшие люди в очереди, словно по команде, обернулись к нему.

Он смутился от всеобщего внимания. Нервно вскинул плечо, двинулся было в хвост очереди. Пожилая узбечка в цветастом национальном платье сказала ласково: «Бери мороженое. Я уступаю очередь тебе!»

Парень оглядел людей, потом решительно вильнул к лотку под оранжевым зонтом. Продавщица поспешно сунула ему в руки свёрток из полупрозрачной розовой бумаги. Парень сорвал бумагу, жадно запищал в рот холодную, сладкую мякоть и вразвалку неспешно удалился.

Каково было моё удивление, когда на следующий день утром я встретил его возле штаба нашей части. Он вывалился из полустеклянной двери и бегом заторопился по бетонной лестнице вниз. На нём была та же форма, но куртка застёгнута на все пуговицы. Только вместо кроссовок сияли начищенные ваксой армейские ботинки. А вот щекастое с колючими рыжими усами лицо угрюмо затвердело, из глаз сыпались молнии. Чувствовалось, с начальством потолковал не в свою пользу.

На полигоне наш взвод обитал в просторной палатке с двухъярусными железными кроватями. Перед сном ребята обычно занимались самоподготовкой. Кто ремонтировал гимнастёрку, шуруя иглой, кто строчил письма любимой девушке. Я крутил транзистор, выцепляя новости. Потом пошёл рассказ о государственном перевороте в Чили по американскому плану «Кентавр». Теперь Пиночета притормозили в Англии, чтобы отдать под суд. Чтобы спасти своего влиятельного агента, американцы мутили воду с его здоровьем, старались в целостности-сохранности вернуть обратно в Чили. Об этом шла речь в радиопередаче. «Интересно, под каким кодовым названием американцы управляют теперь душманами?» – думал я, когда в палатку влетел Голубок.

– Ребята, – он поднял руку, как стоп-сигнал, – надо помочь «афганцу». После дембеля он по-

гудел на радостях в ресторане. Теперь в кармане вошь на верёвочке. А пилить домой через Среднюю Азию, Сибирь на Дальний Восток. Словом, кто сколько может?

Сержант двумя пальцами из нагрудного кармана выудил удостоверение, вытряхнул из него десятку. Солдаты засуетились возле тумбочек. Я положил пятерку возле сержантской десятки – всё что осталось от отцовского перевода.

Через день к нам пожаловал знакомый уже мне «афганец», церемонно пожал ребятам руки, поблагодарил за помощь. Его засыпали вопросами. По-моему, самый глупый задал я:

– В Афганистане стреляют?

Я увидел устремлённые на меня глаза, большие, серые с чёрными бусинками зрачков. Какой невыносимо тяжёлый свинцовый взгляд! Мне стало не по себе, будто на меня глянула смерть. По спине пробежали мурашки.

Кто-то из ребят спросил о ранении. На правой стороне кителя афганца белела узкая планка – знак лёгкого ранения.

– Царапина! – отмахнулся афганец. – На бэ-эмпэшке из Кундуза выехали на исламабадскую дорогу. Со стороны могилки пальнули в нас из гранатомёта. Машина загорелась. Водитель выскочил из люка. Огонь за ним, как из поддувала, бросился. Мы горохом посыпались с брони. Я неудачно приземлился, ударился головой о камень. Потом неделю провалялся в госпитале.

Ночью я долго лежал с открытыми глазами. Почему-то вспоминал родителей, сестру. На соседней койке мучился Сашка Ротарь. То сунет голову под подушку, то весь накроется одеялом. Наконец не выдержал, приподнялся на локте и, мерцая в полумраке встревоженными глазами, спросил меня:

– Ты слышал о «Чёрном тюльпане»?

– Не-е!

– Это самолёт, на котором вывозят цинковые гробы из Афганистана.

Я не стал развивать тему, сказал ему:

– Мой дед говорил: живы будем, не помрём! Давай лучше спать, Саша!

Самое удивительное, мне самому от своих бодрых слов стало спокойнее. Я сомкнул отяжелевшие веки.

Юрий Чернов из Новокузнецка, лежащий на верхней кровати прямо надо мной, громко по-свистывал носом. Не спал бы он так сладко, если б знал, что через восемь месяцев подорвётся на mine. От него останется только каска.

* * *

Нас перебросили в Афганистан поздней осенью, когда в Ташкенте деревья пожелтели, девушки фотографировались с плетёными корзинами, наполненными виноградом и гранатом, пацаны валялись на подушках опавших листьев, раскинув в стороны руки. Усадили на транспортные вертолёты Ми-6, которые мы называли коровами за громоздкое просторное брюхо.

Никто толком не знал, что нас ждёт в Афганистане. Неизвестность всегда неприятно щекочет нервы. Солдаты маскировали свою тревогу шутками, анекдотами. Тон веселью задавал Гоша Токмашев с добродушным широкоскулым лицом и узкими чёрными азиатскими глазами. Из него, словно из автомата, выскакивали анекдоты. Он рассказывал постным, скучным голосом. Впечатление создавал смех, которым Гоша раскатывался после каждого своего анекдота. При этом его широкая грудь сотрясалась, а большая стриженная голова вздрагивала на плечах. Глядя на него, слушатели вначале сдержанно улыбались. Потом увлекались. Тогда хлопали в ладоши, поддавали друг друга кулаками и ржали по-чём зря. Встревоженный пилот со своего места прикрикнул:

– Ребята, спокойнее! Машину завалите!

Смех угас, как свет в лампочке с убывающим электричеством. Я зажмурился и неожиданно для себя уснул под гул вертолёта.

Проснулся от дружеского тумака в бок:

– Вахрамеич, просыпайся! Афган не прово-
ронь!

Я, как годовалый ребёнок, таращился в окно перед собой. Рваные клоки дыма неслись куда-то вверх за стеклянным квадратом. Вертолёт снижался. Снижался. Здравствуй, Афган!

Какой суровый неприглядный край! От аэродрома на все четыре стороны разлеглась плоская, каменистая с редкими зелёными островками равнина. Тёмное грозное тесто широко обкладывало небо. Боевые вертолёты Ми-8, как сторожевые псы, вытянув хвосты, шныряли между тучей и землёй.

Выбравшись из брюха «коровы», мы построились в длинную колонну и пошли месить сапогами раскисшую после дождя дорогу. Шагать было скучно, мутрно. Я дёрнул Гошу за рукав шинели:

– Спой что-нибудь!

– Не могу. Слуха нет. Медведь на ухо наступил.

– Тогда выдай анекдот.

– Смеяться будешь – командир накажет.

С Гошей не сваришь каши. Я уставился на стриженный шишкастый затылок рослого, но очень худого парня, который передо мной так размахивал руками, словно старался их выдернуть из плеч. Я невольно рассмеялся. Он оглянулся и вопросительно уставился на меня.

– Гоша рассказал анекдот про овцу, которая никак не хотела на жаровню, – объяснил свой смех.

– Ну и как?

– Куда денется. Поджарили!

Через полтора часа мы приблизились к большому кишлаку. Возле глиняных стен восседали смуглые бородатые люди в белых чалмах. Когда мы поравнялись с ними, то увидели, что это старики. Они поворачивали к нам горбоносые, морщинистые лица и пристально смотрели немигающими глазами. За спинами старцев стояли дети в ярких рубашках.

Горчиная стена тянулась дальше. В одном месте впаянная в неё дверь распахнулась, из проёма выскочила красивая девочка лет четырнадцати. Увидев нас, испуганно присела на корточки. Из двери вывалилась старуха в мятом разноцветном платье. Она что-то сказала девочке на своём языке. Та отрицательно мотнула головой. Она ещё что-то сказала. Девочка насупилась, заблестела напряжённо чёрными глазами. Старуха исподлобья посмотрела на солдат и решительно накрыла девочку подолом.

Гоша не удержался, хохотнул, колыхнув плечами:

– Розу оберегает!

Когда мы прошли метров двадцать, я оглянулся. Ни девочки, ни старухи уже не было. И снова топали по лысой равнине. Но почему-то она теперь не казалась мёртвой, отталкивающей.

* * *

В трёх километрах от кишлака раскинулся палаточный городок полка, оцепленный колючей проволокой и сторожевыми вышками. Меня приписали к взводу старшего лейтенанта Скрибунова. Было видно, что это опытный командир, похлебавший горячую кашу из раскалённого котелка войны, обстоятельный, неторопливый, не спешит с оценками, хорошо знает противника, его сильные и слабые стороны, умеет вести минную войну. При нём во взводе не было потерь сапёров. Сам Скрибунов в первый год службы в Афганистане два раза подрывался, но остался

жив. Его наградили орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

Однообразное житьё в палатках быстро надоедает. Через неделю я уже стал просить командира взять меня в рейд. Он отказывал:

– Успеешь навоеваться.

У каждого, кто воевал, была своя мера опасности. У сапёра – очень большая, поэтому нас называли смертниками.

Идёшь во главе колонны, открытый всем ветрам и пулям. Разглядываешь каждый камешек, каждую ямку, прокалываешь щупом каждый сантиметр. Ошибся – и нет тебя на белом свете.

Опасность сторожит тебя в засадах. За убийство сапёра духи получают пятьдесят тысяч долларов. Для них это золотое дно, которое они стараются выгрести до песчинки.

На второй день, как только я прибыл в полк, мне вручили автомат. На всю жизнь запомнил его номер 813061. Его владелец, сапёр, погиб на Мадрасе от пули из засады. Она пробилась ему шею, залила кровью ремешок от автомата. Я целый день отшоркивал его от засохших пятен. Не спешил взводный брать меня в рейд.

И всё-таки настал день, когда нас выстроили перед командирской палаткой, и Скрибунов, глядя в листок с фамилиями, который держал перед собой, буднично проговорил:

– Казак и Вахрамеев завтра на Мадрас.

У меня сердце подпрыгнуло к горлу и забило там.

Маршрут до кишлака Мадрас был самым спокойным. На нём духи меньше, чем в других местах, терзали колонны огнём и минами. Сюда посылали новичков, чтобы они в относительно безопасной обстановке попробовали свои молочные зубы.

Меня с первых дней ошеломил напарник. С этим смуглым угрюмым парнем с гуцульскими усами я не разговаривал. После того как наша группа новобранцев притопала в полк, случился неприятный для меня инцидент.

Тогда дневал Гаша Токмашев. Сделал спуска рукава уборку в палатке. Не подмёл, как следует, а сам куда-то смылся.

Я пришёл вечером с занятий, тяжёлый от усталости, снял сапоги, опрокинулся на койку и застыл в блаженстве отдыха. В этот момент в палатку ввалились остальные жильцы. Весь день они мотались по ущелью, гонялись за духами, выковыривая из «кротовых» щелей. У ребят был чумовой вид. Чёрные от загара, тощие, на-

стоящий Бухенвальд, глаза провалились, на плечах автоматы, пулемёты с лентами патронов. От них пахло потом, перенапряжёнными нервами и смертью.

Казак бесцеремонно схватил меня за ноги, рывком развернул так, что я оказался поперёк кровати.

– Чтобы через пять минут был порядок в палатке! – рывкнул он. Со мной никто так не разговаривал. Но тут вернулся развесёлый Гоша с мокрым веником.

– Извините, ребята! Я виноват! – заорал он. – Сейчас пол заблестит, как паркетный. Будете го-пак танцевать!

И стал расталкивать солдат, пробираясь ко мне.

Казак круче согнул шею, усталым движением стянул с себя лифчик боекомплекта и уже не обращал внимания на меня. Я на него тоже. После этого перестал с ним разговаривать.

Мне нравятся открытые весёлые парни с юмором. Суровые молчуны, как Гуцул (так про себя я окрестил Казака), напоминают черневую тайгу. Идёшь по кустам между деревьями и не знаешь, какая тварь из зарослей выскочит и набросится на тебя.

27

И вот теперь этого неприятного типа пристроили мне в напарники. Дед говорил: «В армии нет слов «хочу» или «не хочу», есть – «надо». Мне ничего не оставалось, как смириться с решением командира.

Когда закончилась вечерняя поверка, ребята после команды «Разойтись!» укатились кто куда. Я подошёл к взводному.

– Что взять с собой?

– Спать ложись. Утром Казак поможет тебе собраться.

Мне, конечно, не спалось. Через каждые полтора часа отдирав тяжёлую голову от подушки и смотрел в угол палатки, где стояла кровать Казака. Тот спал, накрыв голову подушкой. Даже храпа не было слышно. У него железяки, что ли, вместо нервов? Потом я тоже стал таким. Из меня на операциях будто выгребали все внутренности. Казалось, кожа была натянута на пустоту. Соображал только перед минами.

Под утро сон всё-таки придавил. Я провалился куда-то очень глубоко. Казаку пришлось хорошенько встряхнуть меня, чтобы извлечь из провала.

Бледное световое пятно вздрагивало в окошке. Но в палатке было ещё очень темно. Я ско-

рее почувствовал, чем увидел напарника возле своей кровати.

Сел, быстро оделся. Вдвоём неслышно выскользнули на улицу. Небо покрывали молочно-голубые печатки звёзд. Горный воздух холодно прижался к щекам и окончательно отогнал от меня сон.

Мы заскочили в столовую, хорошо подзаправились, получили сухпайки и двинулись к оружейке в четырёхместной палатке. Там хранились оружие и боеприпасы нашей роты. У входа торчал дежурный, запрокинув голову и раздирая рот в зевке.

– Духов проглотишь! – рявкнул Казак.

Дежурный захлопнул рот и уставился испуганно на нас. Я подумал о напарнике. У него, оказывается, с юмором всё в порядке. У меня душа потеплела на градус. Тоже добавил жару часовому:

– По-моему, тебя обокрали. Патронов не до считались.

Дежурный вновь открыл рот, соображая, каких патронов не хватает. Никто не брал их по счёту. Пока его сонный мозг соображал, мы нырнули в палатку.

Оружейка освещалась мощной электрической лампой. Всё было прекрасно видно, даже маркировка на автоматах. Мы сняли с себя вещмешки из брезента песочного цвета, поставили возле ящиков с патронами, а сами подошли к щупам, заострённым стальным стержням, сваленным в углу палатки. Я ждал, какой щуп подберёт для меня опытный напарник. Тот присел на колени и стал аккуратно перебирать железки. Наконец протянул одну из них:

– Подержи!

Я удивлённо хмыкнул: дед в точности так же подбирал литовку для моей руки. У него их было с десяток, самых разных по весу, длине. Он находил косу, самую удобную для меня.

Щуп, который протянул Казак, оказался не тяжёлым и не лёгким, то есть в самый раз. Я пофехтовал им, как рапирой, и оставил себе.

Потом открыли узкий, длинный, тёмно-зелёный ящик с патронами для автомата. В моей голове сидели десятки историй о солдатах, которым лишний патрон спасал жизнь в бою. Поэтому я старался нагрести этого добра как можно больше.

– С таким запасом ты не поднимешься на бэтэр, – сказал Казак.

Дед учил меня слушать опытных людей. «Всё не охватишь своим умом, надо уметь пользоваться чужим!» – говорил он.

Пришлось лишние патроны высыпать обратно в ящик.

Обвешанные с ног до головы оружием, мы вышли из палатки. Я дружески хлопнул дежурного по плечу.

За время нашего пребывания в палатке, он умудрился снова закемарить. От моего толчка он так сильно вздрогнул, что чуть не упал. Удержав равновесие, пожелал нам счастливого пути.

– К чёрту! – дружно откликнулись мы.

Возле КПП стояли наготове бронетранспортёр и две боевые машины пехоты. Около них, как муравьи, суетились мотострелки.

Наше место было на бронетранспортёре. Я уверенно поставил ногу на колесо и потянулся рукой к скобе на броне. Чтобы дотянуться, надо было чуть-чуть приподняться. Нога не могла оторвать от земли шестьдесят три килограмма моего живого веса и тридцать снаряжения.

Я отступил, не зная, что делать.

Казак уже маячил на броне.

– Бросай рюкзак!

Это уже было по силам. Бросил. Вместе с рюкзаком перебрались наверх щуп и автомат. После этого, ушибив коленку о край борта и постанывая от боли, я всё-таки взгромоздился на обшарканную бронированную холку.

К своему удивлению, среди мотострелков обнаружил серую благородную овчарку. Она уложила передние лапы на ноги веснушчатого сержанта в шапке и куртке с чёрным меховым воротником. Тот ласково трепал густой шерстистый загривок собаки.

Я знал, что в Афганистане овчарки используются для разминирования дорог. Неужели меня с Казаком решили «усилить» псом?

Машины дружно загудели. Мы поехали. Мало удовольствия «кататься» на боевых машинах. Гудят до боли в барабанных перепонках. На каждой ямке встряхиваются, словно собаки, выскочившие из воды. Человек ко всему привыкает. Мы привыкли к нашим машинам, которые подвозили солдат куда надо.

Пока мчались по равнине, цвет воздуха менялся на глазах. В него будто огромными порциями сливали воду, которая быстро растворяла темноту. Впереди открывалась толпа высоких сопков. Из земли словно высывались головы древних воинов в шлемах. Я настолько загляделся на них, что перепугался, когда рядом раздался страшный грохот, и спрятался за поднятую крышку люка. Подумал, что духи напали на

нашу бронегруппу. Поднял автомат, готовясь отстреливаться до последнего патрона, как почувствовал, что чья-то ласковая ладонь поглаживает мой затылок. Вскинул голову и увидел перекошенное от хохота лицо командира роты мотострелков.

И тут до меня дошло: попал впросак. Старые «афганцы» говорили, что опасные места вдоль дорог на всякий случай блокируются огнём. Слева невдалеке виднелись руины нескольких пуштунских домов. По ним бронегруппа из всего оружия вела огонь. Когда удобное для засады душманов место осталось позади, пушки и пулемёты смолкли, ротный деловито спросил меня:

– Шибко испугался?

– Шибко!

– Привыкай!

Колонна заползла в лощину между двумя сопками, похожими на громадные жёлтые шары, врытые в землю, и остановилась. Казак опёрся на моё плечо, встал и со вздохом сказал:

– Пошли, Вахрамеич, воевать!

Моё сердце так застучало, что я испуганно оглянулся. Не услышал ли кто? Мотострелкам было не до меня. Они целили автоматы на вершины сопки, с которых духи могли открыть огонь в любую секунду.

Казак ловко спрыгнул с брони, взмахнув автоматом и щупом, как крыльями. Таким же манером я слетел на землю. Рядом со мной упруго приземлился сержант, сильно подогнув ноги. Выпрямившись, он обернулся к машине, поднял руки и позвал:

– Рони!

Собака весила, видимо, прилично. Крепыш-сержант качнулся, чуть не опрокинулся на спину, когда с брони обрадованный Рони прыгнул ему на плечи. Удержавшись на ногах, сержант опустил собаку на край дороги.

Вчетвером мы двинулись вперёд. Первым крался Рони, вынюхивая каждый сантиметр земли. Его ворсистый закруглённый хвост сваливался то на один бок, то на другой. А за ним, как по кочкам, перемещался сержант. Прыгнет – остановится. Прыгнет – остановится. Сзади мы с Казком щупами кололи дорогу.

Вдруг Казак нервно крикнул сержанту:

– Твой барбос пропустил мину! Проведи его снова возле той гильзы! – Мой напарник острием щупа показал на ржавую пулемётную гильзу у помятой кормы подбитой бээмпэшки.

Рони спокойно переступил.

– Иди-ка ты со своим четвероногим дружкой подальше! – ругнулся Казак и опустился на колени возле гильзы. Мягкими осторожными движениями разгрёб пыль. Открылись спрессованные тёмно-серые камни. Исцарапывая в кровь пальцы, напарник вытаскивал их, как кирпичики из кладки, пока жёлто не блеснуло ребро «итальянки».

Макаронники отправляли в Афганистан самые паскудные мины. Шесть килограммов тротила в каждой. Взрыватель пневмомеханический, неизвлекаемый. Наедет машина на него, боёк ударит капсюль. Лучше не видеть, что случается с людьми и техникой после этого.

Бывало, осматриваешь воронки на дорогах, поскользнёшься, глянешь под ноги – оказывается, наступил на кусок мяса. Мне после этого страсть как хотелось съездить по туристической путёвке в солнечную Италию и положить «подарок» макаронников под... Колизей. Пусть почувствуют на собственной шкуре убийственную силу своего изделия.

Казак убрал маскировочный слой над миной. Под солнцем «итальяшка», способная подбросить тяжёлый танк, заблестела чистыми маслянистыми боками, будто новенькая, словно только что вынутая из целлофановой упаковки.

Сапёр сунул руку в карман бушлата, достал пачку тротила, похожую на кусок хозяйственного мыла, и осторожно водрузил на крышку. Теперь оставалось поднести огонёк к «хвостику» и рвать когти. Тротил спровоцирует заряд мины.

Я бросился за корму бэтээра. Там уже переминались мотострелки, переговаривались, посмеивались, зыряя напряжёнными глазами на вершину сопки. Боком к бронированной задней стенке бэтээра сидел Рони, аккуратно подобрав хвост, и внимательно поглядывал на солдат. От движений глазных яблок бугрилась шкура на его мощном овальном лбу.

Сержант стоял рядом. Вид у него был сконфуженный. Краснея, оправдывался перед мрачным ротным:

– Мой Рони не мог схалтурить.

Подскочил запыхавшийся Казак. Его встретили уважительными взглядами, посторонились, освобождая удобное место за бронетранспортёром. Иван поднял исцарапанные до крови пальцы к губам и стал обдувать ранки.

Конусом взлетел огонь. На броне, как градины, запрыгали мелкие камни. От сильного звука у меня заложило уши. Я замотал головой.

После взрыва мотострелки вновь проворно оседлали бэтээр и ошетинились стволами автоматов. Сержант положил руку на широкий лоб Рони. Тогда Казак сказал проводнику:

– Не суетись. Сегодня мы управимся без тебя.
– Мой Рони! У него нюх. Он нашёл сотню мин.
– Духи сегодня испортили твоего пса. Держи! – Казак вложил в пальцы сержанта ржавую пулемётную гильзу, которая валялась у мины. – Понюхай! Она какой-то гадостью обмазана.

Сержант поднёс гильзу к носу, скривился и громко чихнул.

– Правда, вот сволочи! – обругал он душманов.

Когда мы отошли подальше от проводника с собакой, я спросил напарника:

– Как ты всё-таки нашёл мину? Она была здорово упакована в грунт.

У Казака зашевелились усы от улыбки.

– У меня в груди телефончик, подключенный к душманским минам. Как только подхожу к ним, они поднимают трубку, набирают мой номер и говорят: «Будь осторожнее, мы здесь!».

Я подумал: у моего напарника наконец прорезался юмор. Естественно, не поверил ему насчёт телефонных переговоров. Но года не прошло на войне, как однажды тоже услышал голоса... мин.

Мы с напарником подошли к воронке после подрыва «итальяшки». Яма была приличной. Можно было целый грузовик затащить в неё. Воронка противно воняла. Стараясь не дышать носом, я обошёл по краю и окинул взглядом дорогу. Израненная, широким полукружьем она уползла вперёд за сопку. На ней отчетливо виднелись следы гусениц. Здесь явно совсем недавно проходил танк.

– Вахрамеич, пошарь следы! – пугнул меня голос Казака.

Вам приходилось бывать в хорошей деревенской парилке? Открываешь дверь, ныряешь. Тебя обжигает горячий туман. Такой же туман я почувствовал внутри себя. Ручьи пота побежали между лопатками, что-то случилось со зрением. Следы, которые за воронкой шли почему-то поперёк дороги, я увидел, как сквозь запотевшее стекло. На ватных ногах пошёл к первой боевой мине.

– Не держи так щуп! – спокойно наставлял рядом Казак.

Оказалось, что я держу щуп, как нас учили, под сорок пять градусов к земле. Это правильно!

Наконечник щупа не ткнётся во взрыватель на крышке мины. Но если мина вживлена в породу, то сбоку к ней со щупом не пробиться. Надо держать его, как посох, вертикально.

Казак подвёл меня, словно слепого, ко вмятинам от гусеницы танка, показал самую глубокую:

– Здесь пошуйкай!

У меня было такое ощущение, что меня отделили от своего тела. И это тело пальцами раскапывает пыль, затем выковыривает щебёнку, укладывает пачку тротила на металлический корпус английской мины МК-5, поджигает огнепроводный шнур и удирает за бэтээр. А сам я плутаю где-то в серой непроницаемой мгле.

Сознание и тело соединились уже на бронетранспортёре, когда наша группа тронулась в путь, объезжая свежие воронки. Ребята хлопали меня по плечу, а умный Рони даже лизнул руку.

В полк мы вернулись вечером, когда солнце зацепило зубья гор и кровавые потоки из ран светила хлынули по отрогам. Возле КПП нас ждал Гоша Токмашев. Я бросил ему рюкзак, автомат, щуп. Сам, цепляясь носками сапог за выступы брони, сполз вниз. Встав на ноги, закачался. Чтобы не упасть, опёрся на плечо Гоши. Мы, как два пьяных, двинулись к оружейке, чтобы сбросить с себя всё лишнее.

Мой друг искоса поглядывал на меня. Ему не терпелось узнать о поездке. Я не в состоянии был пошевелить языком. Только когда Гоша спросил о Казаке, как он, – я поднял большой палец.

Рейды! Рейды! Рейды! Не успеваешь отдохнуть от одного, как посылают в другой. В каждом только чудо порой спасает. Самое печальное, теряешь друзей. Гошу Токмашева, тяжело раненного, увезли из части навсегда в госпиталь. Появился Саша Цыганков, беленький, весёлый парень из Новосибирска, говорун и гитарист. На привалах вечерами, прежде чем уснуть, разжигали костёр, сидели, глядя на огонь. Саша доставал свою гитару, пощипывал струны и тихо напевал самодельные солдатские песни:

*На костре в дыму трещали ветки,
В котелках дымился тёплый чай.
Ты пришёл усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.*

Лично я от его песен размокал, как сухарь в горячей воде. Становился грустным, мечтатель-

ным, любовался умопомрачительными афганскими звёздами. Казалось, что они были низко подвешены над землей и неистово сверкали, словно снежинки под солнцем.

Устав от пения, Саша укладывал гитару возле себя на разостланный бушлат и с наслаждением отогревал пальцы. На минуту костёр окольцовывало молчание. Потом кто-нибудь, чаще Валера Деревяшкин, квадратный, могучий и очень добрый механик-водитель БМР, упрасивал Цыганкова:

– Почитай, что девушки пишут тебе!

Настроение у ребят сразу же менялось. Они будто пропускали по стаканчику портвейна. Нежный жар приливал к сердцу каждого из нас. Все оживлялись, глаза заволакивались блестящей влажной плёнкой. И вот уже градом сыпались на Цыганкова требования:

– Почитай!

С женским полом у нас было просто швах. Согласно законам природы, нам полагалось держаться возле девушек. Согласно другим законам, мы «кантовались» очень далеко от них, за горами, за долами, возле мин. Бывало, как джигит, верхом на бээмпэшке проскочишь через кишлак и вдруг споткнёшься взглядом о юную ханум. Глазеешь на неё, как на первое чудо света. А твои боевые друзья рядом совсем теряют голову. Одной рукой прижимают к животу автомат, а другой показывают на смуглянку и кричат, заглушая мотор:

– Смотри! Смотри!

Голод общения с девушками мы утоляли с помощью переписки. У каждого из нас в записной книжке среди вкривь и вкось начертанных пометок о минах, войне таился заветный адресок.

Цыганков имел пять таких адресов. Ребята приставали к нему:

– Поделись! Зачем тебе столько?

Его светленькое маленькое лицо скукоживалось. Ему нравилось получать от разных девушек письма, а затем читать вслух избранные места. С этой привилегией он не хотел расставаться.

Саша по характеру был из тех людей, которые и на смертном одре юморят, а в письмах тем более. Тане Бочаровой из Омска он расписал, как ночами мы лихо развлекаемся в Кундузе, танцуем до упаду под новые диски. У нас в законе ансамбли ДШК и АГС.

Когда он уже был на БМР, ему протянули ответное письмо от Тани, которое он сунул в мешок и не мог достать в пути. На привале провор-

но слезил в нашу сапёрную машину, вернулся оттуда с конвертом, уселся, по-мусульмански поджав ноги. Раскрыл вчетверо сложенный тетрадный лист в клеточку, беззвучно зашевелил губами. Наконец, рассмеявшись, сказал:

– Таня спрашивает, что за рок-группы ДШК и АГС выступают перед нами?

Мы грохнули так, что за горой всполошились духи и прострочили пулями густой чёрный воздух. Успокоившись, мы задумались. Есть же на свете счастливые люди, которые не слышат выворачивающую душу «музыку» крупнокалиберных пулемётов и автоматических гранатомётов АГС.

В конце первого года службы за меня серьёзно взялась малярия. Недельку провалялся в медбате. Там глотал горстями хинин, ещё какие-то горькие таблетки. При выписке военврач, резкий на слово, внушал:

– Вот что, Вахрамеев, если не хочешь, чтобы тебя как красную девицу таскали на руках по горам, месяц не показывай нос из части.

После госпиталя ночь у меня прошла хорошо. Утром вновь зазнобило. Челюсти задёргались, зубы застучали. Я крикнул Цыганкову, который дневал:

– Подбрось ещё одеяло.

Под двумя одеялами блаженная теплота разлилась по моему телу.

В это время в палатку ввалился прапорщик в новенькой форме и хромовых сапогах. Загорелый, с блестящими хитроватыми глазами, он напоминал бойца в центре картины Непринцева «Отдых после боя». У него даже панама была чуть сбита набок, придавая ему лихой жизнерадостный вид.

Прапорщик упруго подкатил к Цыганкову и протянул ему красную бургистую ладонь.

– Клади чек! – рявкнул он.

Дневальный растерялся от столь необычного приказа. Засуетился, спешно опуская руку то в один, то в другой карман. В конце концов отыскал радужную бумажку у себя в тумбочке и отдал прапорщику. Тот согнул, разогнул толстые пальцы. Ладонь была пуста. Чек словно растворился в его коже.

Оставив Цыганкова с распахнутым от удивления ртом, прапорщик подошёл к моей кровати, подобрал край одеяла с пола и сказал с лёгким поскрипывающим дыханием:

– Подымайся, Вахрамеев! Тебя кличет ротный.

И поплыл к двери, колыхая руками. Только взялся за металлическую скобу, раздался обиженный голос дневального:

– А чек, товарищ прапорщик?

– Ты оплатил за цирк.

Его перекошенное изумлением лицо было таким комичным, что я рассмеялся. Прапорщик расхохотался, вернул чек и выскочил из палатки.

Что самое поразительное, у меня поднялось настроение не столько от умения прапорщика обобрать солдата, сколько от фокуса, даже приступ малярии прошёл. Я оделся. Чувствуя себя здоровым, отправился к командиру роты Шлыкову. Мы уважали его, только недоумевали, почему много лет он ходит в капитанах. Все волосы потерял. Голова у него была гладкой, как яичко. Выглядел он моложавым старичком. Командиром был умным, самостоятельным, не торопился выполнять глупые приказы сверху.

Однажды мы всем полком на бронетранспортёрах катились по головокружительным горным дорогам в Файзабад на операцию. Перед опасными местами колонна замирала, выпуская вперёд сапёров для выявления мин.

Во время одной такой остановки, когда мы ещё не успели спрыгнуть с БМП на дорогу, затрещала рация, и сквозь помехи прорвался металлический голос командира полка, прозвучал позывной ротного:

– Крот! Обороты! Обороты!

Капитан выключил рацию, спокойно сказал нам:

– Не обращайтесь внимания! Работайте без спешки.

Нашего ротного можно было убрать, как камень с дороги, но действовал он в любых обстоятельствах согласно своему разумению. Может, поэтому не рос по службе, но зато сохранял жизнь солдат и свою.

По-настоящему мы оценили капитана Шлыкова, когда он уехал в Союз дослуживать. После него слаженные действия сапёров разладились. Ребята стали ошибаться, безвозвратно терять товарищей.

Когда меня капитально ремонтировали в госпитале, они написали, что сапёров совсем замурили – гоняют ставить ограждения, рыть землянки офицерам, а комендантский взвод, которому надо это делать, в праздности наедает невероятные ряшки. У некоторых лица так раз-

дулись, что, кажется, вот-вот лопнут и жирная сукровица потечёт. При Шлыкове, слава богу, такого не было. Он решительно ограждал сапёров от посторонней, не по профилю, работы.

Я зашёл в едкую духоту каптёрки. Капитан в свободной позе сидел за деревянным столом, склонив задумчивую голову над картой, расстеленной на столике. Увидев меня, он благодушно шлёпнул ладонью по скамейке возле себя:

– Устраивайся!

Я присел и ухватился взглядом за остриё красного капитанского карандаша, которое поползло по волнистой линии на карте.

– По этой дороге прокатишься до кишлака, – сказал он. – Впрочем, там от кишлака остались горки жёлтого глиняного мусора. К ним подвезут раненого с точки. Заберёте его и назад. Путь близкий, всего километров десять, но опасный. Сегодня у мусульман праздник мщения. Вероятно, они будут караулить вас в развалинах, поэтому мины ищите на дороге перед ними.

– Кто командиром бронегруппы? – уточняюще спросил я.

– Лейтенант Туркулов.

Этот лейтенант, похожий на упитанную женщину, с гладким, слегка отёкшим румяным лицом, всего лишь месяц назад прибыл командиром мотострелкового взвода. Не успев оглядеться, стал выставляться. При сорокаградусной жаре приказывал молодым солдатам застёгивать воротничок на все пуговицы, следил, чтобы перед ним вытягивались и отдавали честь, как положено по Уставу, заставлял чистить ржавые патроны, которые потом отказывали в бою.

У меня не было желания ехать с неизлеченной малярией под командованием необстрелянного формалиста Туркулова. Такие офицеры, как он, редко показывали себя хорошо, когда прижимало.

Сперва я хотел увильнуть от поездки, сославшись на заболевание. Уже изготовился сказать об этом капитану, но тот упредил мой отказ.

– Кроме тебя и Токмашева, мне сейчас некого послать.

Когда я, озадаченный, вернулся в родную палатку, Гоша сидел на табурете возле своей кровати и читал какую-то толстенную книгу. На моё появление отреагировал полным невниманием, даже глаз не поднял от страниц приключенческого романа.

– На сборы десять минут! – бросил я в пространство палатки. Достал из своей тум-

бочки спасительный стандарт хинина. Одну таблетку проглотил, морщась от горечи. Остальные сунул в карман. Вдруг приступ начнётся в пути, тогда будет чем от него отбиться.

Гоша – мрачный, ершистый, несносный в обыденной обстановке, но самый надёжный в горах. Однажды мы с ним протискивались по козьей тропе в отвесной каменной стене ущелья к площадочке с замаскированным душманским зенитным пулемётом. Непроницаемый туман серым студенистым желе наполнял ущелье и не давал духам с другой стороны стрелять прицельно. Пули с жутким звоном рикошетили вокруг нас о камни.

Гоша не отставал от меня ни на шаг, сохраняя полное достоинства спокойствие. Мы, чуть живые, искорябанные до крови, добрались до площадки, а потом разобрали пулемёт и по частям затащили на вершину горы, где передали нашим мотострелкам. Те собрали машину и открыли огонь по духам.

И вот Гоша, готовый в горах на все подвиги, в палатке заворчал, с чувством закрыл и бросил книгу на кровать:

– Не дают отдохнуть по-человечески.

– Раненого надо доставить в медсанбат, – сказал я, наклоняясь над вещевым мешком. Гоша сразу же замолчал, будто захлебнулся горячим чаем. Когда у нас речь заходила о спасении человека, все остальные дела по боку.

И вот наша бронегруппа тронулась в путь.

Мы с Гошей сидели рядом с лейтенантом на головной бээмпэшке. Туркулов сперва шибко волновался, крутил головой, как перископом, выискивая глазами духов. Но вскоре его возбуждённое внимание утихомирилось, он расслабился и даже время от времени прислонял острый подбородок к бронезиллету, делая отчаянные усилия, чтобы не заснуть.

Более половины пути прошло без выстрелов, засад. Между тем равнина стала подниматься, наплывая на склон холма. Вдруг на его вершине вздулся чёрный пузырьрёк и стремительно покатился вниз к нам навстречу, увеличиваясь в контуры ГАЗ-69.

Я оглянулся на безучастного, одуревшего от жары и монотонного движения лейтенанта и поднял руку:

– Приготовиться!

Мотострелки насторожили автоматы. Пушка нашей брони подвигалась, приспособливаясь к подозрительной машине.

«Газик» за сто метров до бронегруппы испуганно шарахнулся в сторону и приютился на обочине. Брезент у него был убран, только ребра торчали. Под ними сидели афганцы в чёрных одеждах. Они упорно не смотрели на нас, отводя глаза в сторону. Только самый пожилой из них с тёмной кожей, седыми пышными усами почему-то уставился на меня, как на старого знакомого. Казалось, он сейчас приветливо махнёт рукой и крикнет: «Привет!».

Я обернулся к лейтенанту:

– Духи!

– Не может быть, – скривился он и даже палец убрал со спускового крючка автомата. У меня глаза заслезелись от возмущения. С колоннами грузов я проехал многие кишлаки и города Афганистана. В них были лишь сиротливые женщины, дети и слабосильные старики. Крепкие мужчины воевали в правительственной армии или в бандах оппозиции. Упитанные молодые лица пассажиров «газика» не вызывали сомнений.

Гоша придавил ладонью моё плечо и задышал мрачными словами в ухо:

– Если сегодня с этим лейтенантом не попадём в рай, считай, что мы ещё раз поживём на этом свете.

33
Наши бээмпэшки проскочили мимо «газика». Через минут двадцать они чайками взлетели на хребет холма. С него открывался пейзаж, достойный кисти Рериха. Синь неба, по краю которого на горизонте далеко-далеко прогуливались барашки облаков. А на земле под ними струились горные змеи, выгибая вверх туловища, отчего казалось, что они тащат на себе горбы, припорошенные снегом. Грандиозная картина была столь красива, что хотелось часами смотреть на неё. Но такой роскоши мы не могли себе позволить.

Я разглядел впереди на вершине следующей холма развалины кишлака, о котором говорил капитан. Именно там нас ждёт серьёзная засада и мина на дороге рядом с кишлаком. Бронегруппа скатилась в седловину и стала подниматься. Когда до развалин оставалось метров сто, я дал знак водителю остановиться. Машина замерла. Я спрыгнул на землю. За мной слетел Гоша. Мы со щупами вышли на дорогу и медленно двинулись вверх, проглядывая каждый бугорок, под которым могла прятаться смерть. И вдруг нам стало ужасно плохо. Мы искали мины в полной тишине. Мотострелки не обрабатывали развалины,

где явно сидели духи. Ещё шаг, и они откроют огонь. Почему медлит лейтенант? Шаг, другой! Хотелось залечь и самому открыть огонь.

– Что будем делать? – прошипел Гоша.

– Искать! – рявкнул я, заглушая страх.

Однажды мой дед подвыпил и спросил меня, четырнадцатилетнего пацана: «Ты знаешь, что такое стоять насмерть?». Теперь я знаю, что значит идти на смерть. Врагу этого не пожелаю.

Когда мы оказались в десяти метрах от вершины, раздался гром небесный. Я увидел, как пули перемалывают развалины и всё живое там, как поднимают пыль снаряды. Меня и Гошу спасали проворные ребята из бронегруппы, которая с другой стороны доставила раненого.

Под звуки «мельницы» мы нашли мину в правой колее дороги. Духи выдолбили ямку, опустили пластмассовую «кастрюлю», сверху засыпали щебёнкой, положили толстый слой глины, обрезком шины нанесли узор протектора. Я сразу отличил опасное место по свежему цвету глины и слабому отпечатку протектора. Настоящая машина оставила бы след поглубже.

Мягко вонзил шуп, чтобы остриё уперлось не в крышку, а в боковую стенку. Сразу почувствовал. Она там, дорогая.

Сказал Гоше:

– Копай!

Напарник положил шуп на землю, но автомат не снял. Придержал его левой рукой у живота, а пальцами правой осторожно стал сгребать маскировочный слой. Взорвав «итальянку», мы поднялись на вершину горы и увидели на каменной площадке две спокойные бээмпэшки. Около машин сгрудились мотострелки и о чём-то вполголоса толковали.

От них отделился мужчина лет тридцати в солдатской форме. На операциях командиры носили с подчинёнными одинаковую форму, чтобы не стать мишенью снайпера. Он спросил меня:

– Почему ваши не стреляли?

Я показал глазами на Туркулова, который опирался одной рукой о дверцу бээмпэшки, а пальцем другой указывал, куда и как занести раненого:

– Он экономил патроны.

От изумления у офицера поднялись брови. Он бросил пронизательный взгляд на нашего командира, с заметной усмешкой оглядел его румяные полные щёки, новенькую облегающую тело форму, пригодную для условий, где в тебя не стреляют. А где стреляют, нужны гимнастёрка

пошире и брюки попросторнее, чтобы в движениях была свобода. Не дай бог вскинуть автомат с опозданием, тогда, считай, что ты покойник.

Поняв неприспособленность Туркулова к войне, командир бронегруппы обернулся ко мне и сурово сказал:

– Ты не жди приказа в случае чего. Действуй сам, как надо.

Он крепко пожал мне руку, отвернулся, коротко разбежался и ладно взлетел на бээмпэшку к своим обветренным и распаренным афганским солнцем ребятам.

Через две минуты мы тоже покатали на базу, оставляя за спиной разбитый кишлак с мёртвыми духами.

Поднявшись на плато, увидели лежащий колесами вверх знакомый «газик». От его пассажиров и след давно простыл.

Гоша, чтобы слышал лейтенант, громко стал объяснять мне:

– Они хотели нам помять корму.

Я сказал командиру:

– Напишите жене, что она сегодня счастливый человек. Не получит похоронки из Афганистана.

Самоуверенное лицо Туркулова стало свекольным от крайнего раздражения. Он огрызнулся:

– Не мог же я по живым из автоматов!

Теперь я вышел из себя:

– Здесь, товарищ лейтенант, из автоматов только по живым.

Да, в машине афганцы вроде выглядели мирно. Но меня лично «мирность» таких афганцев не обманывала. Я на всю жизнь запомнил белого верблюда. Под Кандагаром наша рота на трёх бронетранспортёрах проезжала мимо шатра пуштуна. Рядом с шатром пасся белый красивый верблюд. Седобородый хозяин, очень важный, стоял, поглаживал бороду и доброжелательно провожал нас глазами. Черноглазые дети баловались возле него. Ребятишки были тоже такие симпатичные. Я достал из рюкзака две банки сгущёнки и бросил им. Старик кивком головы поблагодарил меня.

Когда через несколько часов мы возвращались по этой дороге на базу, то увидели следы страшного боя возле шатра. Рядом стояли наш сгоревший танк и боевая машина пехоты. На месте шатра зияла воронка, метрах в ста валялся мёртвый верблюд. Осколками снаряда ему оторвало передние две ноги выше колен. Бедное

животное на кульях проскакало метров сто по степи и упало. Где он скакал, виднелись густые красные полосы крови. Человеческие красные куски валялись вокруг шатра.

Здесь вся наша бронегруппа была уничтожена. В живых остался только один солдат. Он потом рассказывал: «Меня завалило трупом осла. Когда очнулся, то увидел, что лежу рядом с водой. Приподнял голову, вижу, последнюю пулю пустил в себя командир роты. Духи в чёрных балахонах, как ангелы смерти, пристреливали раненых ребят. Тут я снова отключился. Очнулся уже в госпитале. Наши нашли меня одного живым. Мирный шатёр, семья пуштунов, верблюды оказались хорошо замаскированной засадой, на которую мы купились».

В мирных упитанных афганцев я не верил. Но, слава богу, всё обошлось.

До базы мы добрались без приключений. Аккуратно отнесли раненого в медсанбат. Когда капитан спросил, как прошёл рейд, я только махнул рукой. Разоружившись, пошёл отдыхать. Самое удивительное, малярия за два часа путешествия так и не притронулась ко мне. Лишь ночью я почувствовал лёгкий озноб, проглотил таблетку и забылся до утра.

К сожалению, судьба миролюбивого Туркулова оказалась трагичной. Скоро он сам погиб по собственной глупости и за собой утащил ещё десять жизней. Во время операции под Джелалабадом мы с Казаком осматривали подозрительную насыпь через арык. По нему должна была проскочить бронегруппа под командованием лейтенанта. Нам, сапёрам, очень не нравилась эта насыпь. Мы проткнули каждый её сантиметр. Казак с миноискателем прошёлся три раза. Потом забрались в железную дренажную трубу. Там тоже было пусто, а сердце не успокаивалось. Оно будто натягивало нервы. Чувство тревоги стояло в груди.

Выбравшись из трубы, я дал знак Туркулову вести бронетранспортёры в объезд, по сухому ложу арыка. Не знаю, по каким соображениям, скорее всего, командир понадеялся на русское авось. Он на своей машине, облепленной сверху нашими и афганскими солдатами, дунул через насыпь. Сработал радиоуправляемый фугас большой мощности. Днище транспортёра срезало, ноги у водителя оторвало, остальных, в том числе лейтенанта, искромсало. Мы подбирали два часа останки, как рассыпанную красную икру, и бросали в кузов автомашины.

После этого я две ночи не мог уснуть. Думал о Туркулове, стараясь понять его, и пришёл к выводу: он относился к тем офицерам, которые, попав на войну, так и не смогли приспособиться к ней, действовали по правилам мирного времени. Это привело, как пишут в газетах, к невосполнимым потерям, хотя у нас были примеры, когда умная гуманность в определённых условиях уменьшала число таких потерь, но только умная.

...Наш полк разгромил крупную банду. Главаря и его заместителя взяли в плен. Только трое уцелевших духов не сдавались, поливая нас огнём из пещеры в скале. Мы всё до огнёмётов попробовали, чтобы достать их. Бесполезно! Потом оказалось, что у них был закуток, куда они прятались от пуль.

Нашлись отчаянные головы. Предложили командиру:

– Под прикрытием заберёмся в пещеру и закидаем духов гранатами.

– Рискованно! – ответил командир. – У меня другой, мирный план.

Мы прекратили стрельбу, спрятались за большими камнями и стали ждать действий подполковника.

Скоро на безопасном расстоянии от скалы появился плотный, бородатый, смуглый афганец с пунцовыми губами, правая рука главаря банды. Он приложил ребро ладони ко рту и закричал переливчатым гортанным голосом. В ответ из пещеры раздался злой, недовольный всхлип.

Переговоры тянулись десять минут. Потом афганец повернулся к командиру полка, приподнял плечи и развёл руками. Дескать, не подчиняются ему пещерные духи, не желают сдаваться.

К вечеру привезли из Кабула самого главаря банды. Это был рослый, надменный с хмурым взглядом мужчина лет сорока в белой чалме. Он смело встал у скалы, задрал голову и командирским голосом позвал:

– Фазиль!

Из жерла пещеры свесилась круглая голова в фетровой шапочке, похожей на перевернутую вверх дном кастрюлю.

Отрывистый разговор продолжался две минуты.

После этого главарь сказал нашему командиру через переводчика, что духи готовы сдать с условием, если им сохранят жизнь. Подполковник обещал.

И вот три духа, тощие, оборванные, прокопченные, похожие на чертей из преисподней, вы-

бросили из пещеры верёвочную лестницу и стали без оружия спускаться вниз.

Когда они оказались на земле, командир полка выбросил руку в сторону своей бэмпэшки и первым пошёл к ней. Оробевшие пленные потянулись за ним.

Отбиваясь, духи убили молоденького офицера. Он неосторожно высунулся из-за камня и пытался в бинокль что-то разглядеть. Осколок брошенной наугад гранаты попал ему в лоб и разворотил голову. Поэтому солдаты кипели от злости на пещерных духов. Те чувствовали всей шкурой ненависть и приклеились к своему спасителю, не отставая от него ни на шаг...

Этот случай и лично для меня имел последствия. Духи рассказали, что рядом, в другой пещере, спрятаны боеприпасы, и показали где.

Я обошёл скалу. Увидел, что к пещере вела козья тропа, такая узкая, что по ней можно было даже не пройти, а только проползти одному человеку. Сапёры уставились на меня. Я был самый опытный из них. Мне и ползти.

Пришлось раздеться, ступить на тропу, по которой осмеливались прогуливаться только горные козы. Я не шёл, полз, забираясь всё выше и выше, прощупывая и стряхивая камешки вниз. Духи на моём пути могли поставить мину. К счастью, не поставили. В самой пещере я обнаружил растяжку. Тонкий проводок проходил между ящичков с боеприпасами. Тронь его, и то, что было в пещере, срежет полгоры, как бритвой. Я стоял и несколько минут разглядывал проволочку. Как с ней обращаться, меня научили лучшие инструкторы наших вооружённых сил.

Устранив опасность, выбросил вниз ребятам верёвочную лестницу, которую притащил на своём горбу. Ко мне поднялись, и мы стали ящики с минами, гранатомётами и прочей нечистью осторожно опускать вниз. Несколько машин душманских боеприпасов увезли на склад в Кабул. За эту операцию наградили меня орденом Красного Знамени.

Через два месяца вручили медаль «За боевые заслуги».

Операция «Зуб» проходила высоко в горах среди вечных снегов. Там ещё двое наших ребят замёрзло. Закопались в сугроб, уснули и не проснулись.

Мы, сапёры, всем взводом попали в засаду. Цепочкой спускались по крутому склону вниз. Были уже на середине, когда духи открыли прицельный огонь с гребня противоположной горы.

Когда раздалась первые выстрелы, меня будто что-то толкнуло в спину.

– Ребята, на жопу – и вниз!

Покатился на пятой точке со скоростью падающего вертолёта. Не успели духи проморгаться от изумления, как весь взвод, целый и невредимый, оказался на дне ложины у ручья. Я достал из вещевого мешка фляжку, погрузил в обжигающую холодом бесцветную прозрачную воду. Наполнил, поднял фляжку. Из двух отверстий зафонтирило. Заглянул в свой мешок. Там все вещи были пробиты пулями. Видимо, снайпер целился в грудь, когда я стоял на склоне. В тот момент, когда он нажимал спусковой крючок, я повернулся боком, сел и покатился. Пули кучно вошли в мешок. Я мысленно перекрестился. Снова чудо спасло. За участие в «Зубе» меня и наградили.

За четыре месяца до дембеля я подорвался. Это случилось под Джелалабадом. Шла армейская операция. Какая-то наша часть попала в трудное положение. На выручку бросили всё что могли, в том числе нашу сапёрную роту.

Приказали забраться на высоту. Как трудно давался мне этот поход! Ноги сводило судорогой. Организму не хватало солей. Мышцы становились каменными и не управляли костями. Тут ещё такая боль примешивалась, что хотелось выть. В таких случаях я замирал и ждал, когда восстановится кровообращение в ноге и спазм рассосётся.

Обычно при восхождениях я помогал другим. Носил поклажу командира батальона. Он использовал меня, как вьючного ишака. Чего только ни подкладывал на мои плечи: одеяло, каску, магнитофон, даже чайный сервиз, спёртый у афганцев в кишлаке. Рядом ещё хрипит командир полка. Этот не позволял себе злоупотреблять служебным положением. На привалах он восхищался мной:

– У меня нет сил идти, а он рядом топаёт, топаёт да ещё с двумя поклажами. Наверное, до армии спортом занимался?

– Бегом на короткие дистанции. Я спринтер!

Но в этот день часть моей поклажи взял на себя Пашка Демьянов. Я не любил его. До армии он был хулиганом, к месту и не к месту сыпал блатными словечками. Да ещё презрительно сплёвывал. Но скоро я понял, что это у него наносное. В операциях Пашка показал себя на-

дѣжным. На него можно было положиться. И теперь, когда мышцы левой ноги у меня стало сводить судорогой, он взял вещмешок у меня.

Шли всю ночь, к рассвету выбрались на вершину. Только устроились на привал, как добрался до нас начальник штаба дивизии, раскричался:

– Вы должны быть на другой высоте.

Встали и попёрли на другую высоту. Попали на склон, покрытый осыпью. Ощущение такое, будто идёшь по мокрому глубокому снегу.

Выбрались на дорогу. Я увидел, что командир взвода, молодой лейтенант, только что из училища, разгорячённый выговором начальника штаба, с двумя солдатами бодро рванул по дороге. «Подорвётся!» – вспыхнуло у меня в голове.

Смертельная усталость, боль в ноге на мгновение притупили мою бдительность. Я обогнал лейтенанта всего на три шага и подорвался на пехотной мине. Когда открыл глаза, то приподнялся на локтях и взглянул на ноги. Там был какой-то фарш из мышц и костей. «Отбегался!» – подумал я.

Мне захотелось подползти к другой мине и удариться головой о металлический корпус. Тут в голове у меня зазвенело, словно мозги превратились в колокольчики. На глаза набросили тряпку. Гора, лица ребят, обступивших меня, порозовели. Сквозь красный туман вдруг проступило очень красивое женское лицо. Мой дед рассказывал мне: «Однажды на фронте, когда меня тяжело ранило, я увидел смерть. Она совсем не похожа на скелет с косой, который рисуют карикатуристы. Она очень красивая и добрая. Она спросила меня, хочу ли я уйти к ней. Я смотрел в большие голубые глаза. Мне так не хотелось от неё уходить. Но тут вспомнились дети. Как они во время войны вырастут без отца? Смерть поняла меня и сказала: «Не буду брать тебя. Возвращайся домой». Очнулся и увидел санитарку. Девушка вытаскивала меня из-под огня.

Глядя на красавицу, я подумал: «Как хорошо, если она заберёт меня с собой». Погрузился в мягкий, обволакивающий сон без сновидений.

Очнулся в операционной госпиталя. Услышал металлическое позвякивание. Грубый мужской голос рявкнул:

– Зажим!

Открыл глаза, увидел плоские раскалённые добела диски. И тут страх выскочил у меня из глубины души.

– Не перепутайте кровь!

В полку бывали такие случаи, когда раненым в спешке вливали не ту кровь, и они погибали.

Напрасно опасался, влили ту, какую надо было. Я снова воскрес, но уже в самолёте, за окном стекленела небесная синь.

Оторвал голову от подушки. Теперь уже в обзор попала вершина горы, облитая блестящим золотом:

– Прощай, Афганистан!

В военном госпитале Ташкента меня перевязали и с другими ранеными на носилках снова занесли в самолёт, который через несколько часов приземлился в ростовском аэропорту. Носилки со мной санитары поставили в тёмно-зелёную санитарную машину. Из окна «бобика» я увидел зелёные купола церквей, каменную тачанку в порыве боя. Обезумевшие от страха кони несли телегу с пулемётом и возницу в шлеме со звездой.

Носилки с ранеными выставили на бетонную площадку перед серым массивным многоэтажным зданием старой постройки. Вокруг нас зашевелились мужчины, женщины в белых халатах.

Я отрешённо смотрел на тёплое июньское небо.

Лавируя между носилками, ко мне пробралась молоденькая медсестра с озабоченными бровками. Тихим приятным голосом спросила фамилию, записала в тетрадочку, потом вдруг наклонилась, мягкой ладонью пригладила мои волосы и с чувством сказала:

– Крепись, парень!

От участливых женских слов стало легче. Боль в душе на время прошла.

Медсестра уже выспрашивала Володю Ларина, водителя КамАЗа, который тоже подорвался на мине. Он выглядел совсем плохо. Лицо по цвету не отличалось от бинтов. Чтобы услышать его, девушка прижалась ухом к губам.

Двое солдат-санитаров подняли мои носилки и пошли на третий этаж. Занесли в небольшую светёлку. Переложили на кровать и прикрыли одеялом.

– Выздоровливай, брат!

Потом принесли Ларина. Только притронутся к нему, чтобы поднять с носилок, – он в крик. Наконец сбежали за сестрой. Она влетела в палату, проворно вогнала шприц в просвет между бинтами на правой руке шофёра. Володя сразу при-

молк, как ребёнок, зацепивший губами соску. Только тогда санитары перенесли его на кровать.

Третьим моим соседом оказался десантник Саша Титов. Вот кому по-настоящему не повезло. Духи зажали в кишлаке группу солдат из его батальона. Саша со своим отделением на бэтээре прорвался к ним. Вернее, ему дали прорваться, и вновь замкнули кольцо.

Вся группа погибла, Саша последнюю пулю из автомата пустил себе в сердце, но впопыхах чуть-чуть промахнулся. Возле него ещё разорвалась граната. Осколок влетел в мозг. И после этого он остался жить.

В госпитале началось моё существование. Будни вибрировали от физической, а главное, душевной боли. Каждую ночь во сне я нелепо воевал. Вижу – духи волнами ползут к моему окопу. Изготовился стрелять – ствол автомата вдруг отвалился. Отбросил приклад, выхватил нож, а он деревянный. Просыпаешься – нательная рубашка мокрая.

Ночью отвоюешься, а днём сердце рвёт жестокая совесть.

Последние полгода в Афганистане я был помощником командира взвода. Должность ставляла кое на кого прикрикнуть, кое-кому приказать. Был момент, когда одному балбесу врезал между глаз. Этого парня по фамилии Чертяев презирали у нас в роте. Он уваливал от операций, прикидывался больным, чтобы остаться на базе. Таких не любят.

Однажды из-за трусости подстрелил товарища.

Ночью вдвоём они сидели в окопе. Под утро напарнику захотелось «до ветра». Он пошёл, но перед этим предупредил Чертяева:

– Не прими меня за душмана, когда буду возвращаться.

Напарник ушёл за валун справлять нужду. Чертяев закимарил. Проснулся от шороха шагов и увидел, как из тумана на него надвигается страшная фигура в тёмном балахоне. Так перепугался, что открыл огонь. Весь рожок выпустил, оказалось, в своего напарника. Хорошо, что попал только в ногу. Но раненого солдата пришлось отправить в госпиталь.

Однажды я послал Чертяева на бэтээре за гравием и приказал не соваться на дорогу, ехать по целине, на которой духи обычно не ставят мины.

Он выслушал и поступил по-своему: дунул по дороге. Бэтээр накатился на мину. Водителю

оторвало ноги. Чертяеву хоть бы что. Ни одной царапины. Вот тогда я не сдержался. Помутылка немного чмурика.

Издали всё видится по-другому. В госпитале я осудил себя за рукоприкладство и написал своим ребятам покаянное письмо. Дескать, простите, братцы, если сделал что не так. Дней через десять дверь палаты распахнулась, в проёме нарисовался прапорщик Мысько, плотный, загорелый, бравый, с щёткой рыжих усов над толстой верхней губой. На плечах у него белел больничный халат. Согнутой рукой он прижимал к груди большой свёрток из жёлтой бумаги. Его прозрачные озорные глаза уставились на меня:

– Здорово, сержант! Вот где ты скрываешься от боевой службы!

Гость бросил свёрток на тумбочку.

– Витамины! Твои ребята послали.

Прапорщиков не любили у нас. Большинство из них были крохоборами. Приходит дембель солдату. Ему хочется приехать домой в парадке, то есть в парадной форме. Она по закону положена. Но прапорщик выдаст такую только за чеки, то есть за скудную солдатскую зарплату. А не выкупишь – представляйся матери, отцу и другим родственникам в дырявых сапогах, порванной тельняшке. Какому же защитнику Отечества хочется так выглядеть перед родными? Отдавали последнее.

В ограниченном контингенте наших войск находилось немало тех, кто торговал не только бушлатами. Душманы слишком много знали о нас, о наших операциях. Мы часто натыкались на хорошо организованные засады. Умные командиры старались принимать решения на месте, не докладывая в штаб, таким образом спасали свои подразделения. Потом уже я узнал, что самую знаменитую и успешную операцию «Магистраль-2» под Хостом командарм сороковой армии разработал и провел без участия Москвы. Я, будучи помощником командира взвода, беседовал с одним из особистов (сотрудником отдела контрразведки). Он рассказывал, что слишком много предательства. Некоторые офицеры передают сведения врагу. Просил докладывать, если увижу штабных, которые слишком часто общаются с афганцами. Мне так и не удалось обнаружить «крота» в нашей дивизии, но он, без сомнения, где-то таился.

Насчёт Мысько. Он был самый добропорядочный прапорщик. Даже витамины привёз мне в целостности-сохранности.

Проговорили больше часа, прапорщик рассказывал о роте. О боях, которые становятся тяжелее и тяжелее. Американцы со своими наёмниками жмут всюю.

Я любопытствовал, что его привело в Ростов. Не для того же, чтобы мне привести южные фрукты от ребят? Мысько вскочил на ноги, подошёл к окну, ткнулся носом в стекло и, не оглядываясь, спросил меня:

– Помнишь Фролова?

– Который читал письма матери и говорил, что она похожа на Шахерезаду?

– Подорвался парень. Я привёз цинк.

Прапорщик продержался ещё минуту у окна. Видимо, ему тяжело далась поездка с цинком к родственникам Фролова.

Потом вернулся к кровати и сказал:

– Его мать на самом деле очень красивая. Брюнетка с голубыми глазами, большущими, как блюдца. Так жалко её.

Поговорили ещё, но уже без настроения. Прощаясь, Мысько выхватил из кармана гимнастёрки толстый конверт.

– Ребята написали тебе.

Скажу откровенно, у меня руки тряслись, когда я извлекал письмо. Ребята писали, что духи совсем оборзели, подкрадываются ночами к базе, обстреливают. Спать порой приходится под боевую «музыку».

Исчерпав армейские новости, они перешли к моей персоне. Оказывается, я был самый геройский парень в роте, классный сапёр. А Чертяев говорит, что спасал его от неслыханной дурости.

От таких добрых слов у меня запылали уши, заслезелись глаза. Корешки, с которыми нас сдружила беспокойная афганская жизнь, сняли с моей души тяжелейший камень...

На следующий день ко мне заглянул замполит госпиталя Катюхов. Где только такую доброту подобрали? Едва тёпленькими нас выхватывали с полей войны, срывали амуницию, в чём мать родила перебрасывали на хирургический стол, после этого кое-как обряжали, чтобы срам прикрыть. Человек продолжал жить. Для этого надо было иметь хотя бы лезвие для бритвы, личное мыло. Казённым ведомством не предусматривались предметы гигиены. Катюхов всё это для раненых покупал за свои личные деньги.

Следил он и за нашим моральным и психологическим состоянием.

Усевшись рядом на табурет, спрашивал:

– Не нравится мне твоё настроение, Вахрамеич. Родителям послал письмо?

– Написал, но отправить не успел.

– Покажи, что написал.

Я сунул руку в тумбочку, нащупал хрустящий листок бумаги, заколебался, доставать его или нет, но подполковник, не мигая, смотрел на меня в упор. Я робко протянул ему письмо.

Он вооружил свой нос очками, прочитал, покачал головой:

– Ты кого захотел обмануть? Неужели родители поверят, что тебя из-за малярии отправили из Афганистана в Ростов? Да мать твоя уже знает, что с тобой случилось что-то серьёзное. Сколько лет ей не писал?

– Почти месяц.

Я почувствовал лёгкое жжение в щеках.

Между тем замполит навалился на меня всерёз:

– Эту бумагу возьми с собой в туалет и используй по полной программе. Напиши настоящее письмо и расскажи всю правду. Ручка у тебя есть?

– Есть, – промямлил я.

Через пять дней родители были у меня в палате. Отец ещё держал себя в руках. Вымучивая улыбку, рассказывал семейные новости и норовил при этом хлопнуть меня по плечу. Дескать, не тушуйся, всё будет хорошо! У матери, как только она вошла, брызнули слёзы. Долго она ничего не могла сказать.

Потом успокоились, стали обсуждать моё будущее. Мать заговорила о работе сапожника. Отец вспомнил деда. Тот вернулся с войны израненным. Одна нога у него не сгибалась, как сухая палка. И на работу его не брали в совхоз, потому что инвалид второй группы. Перед дедом встал животрепещущий вопрос, как на одну пенсию прокормить семью, где восемь детей и все по лавкам?

Дед накрутил ордена, медали на застиранную, подштопанную руками жены гимнастёрку и пошёл к директору.

– Ох, Вахрамеев! – сказал директор. – Тебя не доби́ли на фронте. Мы не станем добивать в тылу.

Дед вернулся домой, сел на лавке у окна, заплакал. Как жить?

Директор всё-таки был хорошим человеком. Не оставил фронтовика в беде. Вызвал его на следующий день к себе, спросил:

– Пойдёшь помощником комбайнера?

– Пойду!

Дед стал помогать молоденькой робкой девочке Маше Кутеповой, которая недавно окончила курсы механизаторов. Опыта у неё никакого, но зато у деда с избытком. Они на пару так работали, что всех в районе обогнали по жатве.

Заканчивая рассказ, отец сказал:

– Река топит тех, кто руки опускает, как говорил мой отец, твой дед. Не опускай руки, сынок! Тогда выплывешь.

Слова родителей подбодрили меня. Даже юмор всколыхнул.

– Наверное, последую примеру деда. Прикручу свои ордена и медали к гимнастёрке и пойду на завод просить работу.

У отца вдруг заинтересованно зажглись глаза.

– Ты ничего не писал о наградах.

– Вроде не последним был на войне. Получил ордена Красной Звезды, Красного Знамени и две медали «За мужество». Представляли даже на звание Героя Советского Союза. Но в штабе сказали, что по разнарядке не вышел. Какому-то прапорщику вручили. Посчитали его достойнее.

– Не переживай, сынок! – стала утешать мать. – Главная твоя награда – жизнь.

Правда, у отца было другое мнение на этот счёт. Он завозмущался военными бюрократами, которые в штабах не могут оценить героев.

В душе я был согласен с отцом. С другой стороны, не за награды воевал. Но от звания Героя Советского Союза не отказался бы.

Родители уехали, пообещав писать каждый день...

И снова потекли госпитальные будни. Нас перекраивали, подштопывали.

Ноги Володи Ларина отчекрыжили выше колена. На кровати он больше сидел, чем лежал, прикрываясь простынёй до шеи. Как ни странно, из нас троих только он держался молодцом. Рассказывал налево и направо, что жить можно без ног. Главное, в целостности руки. Они у него сильные. Штангу в восемьдесят килограммов поднимали до войны. А теперь руки приготовят пищу на кухне, сошьют брюки, посадят и вырастят овощи в саду. У матери – она одна живёт в деревне – большой огород. Будет где ему разгуляться даже без ног. Ещё он не потерял способность делать детей. У него в деревне невеста. Она готова принять его таким, какой он есть. Володька каждую неделю получал от неё длинные письма. Читал и радостно улыбался. Чувства так

переполняли его, что он не выдерживал и рассказывал то, что девушка писала ему. Правда, ничего особенно в них не было. Подоила корову, ходила в лес за ягодой. Встретила колхозного быка. Он выставил рога и бросился на неё. С визгом убежала. Какая-то Тоська дождалась своего парня из армии. Сейчас всей деревней готовятся к свадьбе. Девушка строго спрашивала: не раздумал ли он жениться на ней?

– Тут раздумашь! – Володька выразительно смотрел на пустые места под простынёй в кровати. Мы спрашивали его, знает ли девушка о его ранении. Оказалось, знает. Он расписал своё положение в письме. В ответном она только спросила: может ли он стать отцом её детей. Володька посоветовался с врачами на этот счёт и написал, что может. После этого простая деревенская девушка стала спокойно общаться с ним письмами и обещала приехать, как только заработает деньги на дорогу.

Самым тяжёлым из нас был Саша Титов. У него руки и рана от пули в груди зажили, но голова... Я слышал, как ночами он стонал от боли, а днём говорил медленно, с трудом подыскивая слова. И взгляд у него был какой-то отсутствующий, пустой, равнодушный. Из этого состояния врачи так и не смогли его вывести.

Однажды утром, проснувшись, он приподнялся на локте в постели, долго смотрел на меня. Я понял, что он выбирается из сонного дурмана. Наконец глубоко вздохнул и сказал:

– Я только что был в кишлаке. Всё вокруг горит, взрывается. Ползу, прячусь, прорываюсь и никак не могу выйти. Сплошная мука каждую ночь быть на войне.

Меня тоже не оставлял Афганистан. И всё-таки дела пошли на поправку, как только культя поджила, стал тренировать её, сгибал, разгибал. Больно, кровь течёт, а я шевелю обрубок. Потом учился ходить на костылях. Получалось, как у годовалого ребёнка. Шагнул и носом в пол.

Настоящие боли начались, когда мне выдали протез. Мучительно приживалась искусственная нога. Три раза прочитал «Повесть о настоящем человеке». Старался тренироваться, как безногий лётчик, который хотел летать.

Врачи отметили мои успехи, когда удрал в самоволку. Целый час скрипел по улицам Ростова, любясь девушками. Все они казались неземными, прекрасными. Я присел на скамейку и в более комфортных для себя условиях стал пожирать глазами прекрасный пол.

70

Одна девушка, на которую я загляделся, даже подошла ко мне и спросила:

- Вам что-нибудь надо, молодой человек?
- Любоваться твоей красотой.
- Ну и дурак! – обиделась она и отошла.

Я подумал: чтобы понять девушек, надо общаться с ними. К сожалению, у меня такой возможности не было: то учёба, то спорт, то война. А теперь инвалидность. Кому понравится калека?

В печальном раздумье я вернулся в госпиталь, но стал увереннее ходить по палате, по коридору.

Сегодня выписали Сашку Титова. Поехал с ним на железнодорожный вокзал, чтобы проводить. Ему две недели пилить на поезде через всю страну на Дальний Восток. Его призывали в Хабаровске. Здоровенный, в форме десантника с орденом на груди он выглядел внушительно. Девчонки выкатывали глаза на него.

Если бы знали, какую мину, способную разорвать в любой момент сосуды, он держит в голове. Семь раз подумали бы, прежде чем заводить дружбу с таким видным парнем.

На прощание мы обнялись, дали обещание не теряться, писать и поддерживать друг друга. Ведь мы были братья по... Афгану.

Потом настала моя очередь покидать госпиталь. Мне дали путёвку в черноморский санаторий «Крутая волна». Я очутился в самом настоящем раю. Море, пляж с лежаками, волейбольная площадка, газоны с яркими южными цветами, пальмы, белые, как лебеди, корпуса под синим солнечным небом.

Меня поселили на первом этаже жилого домика в двухместном номере. Соседом оказался тридцатипятилетний майор Виктор Иванович Глуховский, похожий на тощего афганца. Даже усы у него были, как у Тараки, с загнутыми вверх кончиками. Он не понравился мне. Утром молчит, вечером молчит. Днём процедит два слова и снова молчит. Только слушает радио да читает газеты. Покупает всё, что продают в киоске на территории санатория. Только газеты. Журналы и книги я не видел в его руках. Он словно коллекционировал новости со всего мира.

Ещё сосед любил перебирать чётки, зелёные шарики, нанизанные на шнурок. Такие я видел у афганских стариков. Сидят на корточках возле глиняной стены своего дома и невозмутиво

мо перебирают кончиками пальцев бусинки, при этом бормочут под нос молитвы.

Когда увидел в руках моего соседа чётки, то не выдержал, спросил:

- Вы под них молитвы читаете?
- Мантры, – видя мое недоумение, добавил: – Это звукосочетание, которое стирает плохое настроение.

– Вот бы мне что-то подобное. После ранения не могу взять себя в руки.

- У тебя деньги есть?
- Родители подкинули на конфеты.
- Купи женские бусы и перебирай под слова «Я люблю тебя, жизнь». Вот увидишь. Эти слова смывают чёрную накипь с твоей души.

Дед говорил: «Слушайся умных!» Мой сосед по всем признакам был умным человеком. Я вышел в город из санатория. В промтоварном магазине купил красивые зелёные из малахита бусы.

Пока возвращался в свою палату, крутил в пальцах камушки, нанизанные на нитку, и проговаривал: «Я люблю...» И наговорил!

Как только открыл дверь своей комнаты, увидел, что мой сосед исчез. Его кровать была идеально застелена. «Наверное, ушёл на пляж загорать», – подумал я. Посмотрел на часы. До обеда уйма времени. Чем заняться? Лучше всего искупаться. Бусы оставил на столе. Не полезешь с ними в воду. Если Виктор Иванович придёт раньше, оценит мои чётки.

Ночью приличный шторм сотрясал гулом наш санаторий. К утру море умерило пыл. Но всё равно на берегу было неуютно. От моря дул прохладный ветер, и волны поднимались довольно высоко. На редких лежаках туши отдыхающих. Несколько голов самых неистовых купальщиков болтались за линией прибоя. Один даже обнимал коричневый буй. Потом оттолкнулся и поплыл вдоль берега.

Я расстелил широкое махровое полотенце на камнях, как коврик. Уселся, потому что стоя мне трудно было раздеваться, стянул с себя майку, штаны и отстегнул протез. Подвигал культёй и на одной ноге поскакал в море. Навстречу бросилась приличная волна.

Перед тем, как поднырнуть, оглядел ещё раз пространство. Где-то на середине между буйком и берегом поднималась и опускалась зелёная шапочка пловчихи. Я отметил смелость девушки, ещё подпрыгнул, дождался, когда волна станет передо мной на дыбки, и бросился вперёд, закрыв глаза.

Холод окутал меня, потом сильно сдавило грудь. Я вынырнул и жадно потащил губами в себя воздух. Сразу стало спокойно, хорошо. Метрах в трёх слева уверенно держалась на плаву шапочка.

Моё внимание переключилось на буй, который впереди поднимался и опускался. Я поплыл к нему кролем. Волны были тяжёлыми, но безобидными, позволяли скользить по ним. Легко добрался до буй, ухватился за бока и стал покачиваться, как в гамаке, глядя на белёсое небо.

Над головой прогудел военный вертолёт с красной звездой на боку. Где-то на побережье недалеко от санатория скрывался аэродром, от туда, как шмели из гнезда, вылетали машины, просматривая границы Чёрного моря, примыкавшего с другой стороны к Турции. Дружески помахал рукой пилоту и поплыл назад, к берегу. Шапочка по-прежнему болталась на волнах. Мне показалось это подозрительным. Слишком долго она плавает на одном месте.

Я отклонился от своего курса, подгрёб к ней. Из выпученных глаз рвался ужас. Было видно, что из последних сил она обуздывает отчаяние. Слова вырвались с бульканьем, шипением:

– Помогите! Тону!

Тут зелёная шапочка ушла в воду. Я нырнул, просунул пальцы под мышки девушки и выдернул тело вверх. На воздухе она закрутила головой, выкашляла воду. Надо затащить утопающую на мелководье. Подплыл к ней ближе, чтобы перевернуть на спину, взять ладонями голову и, придерживая лицо над водой, отбуксировать к прибою. А там большая волна сама выбросит нас.

Я обнял неудачливую пловчиху со спины, и тут случилось неожиданное. Она вдруг вырвалась, как дельфин, обвила руками мою шею, взобралась на спину, и мы вместе топором пошли на дно.

Это были самые мучительные и страшные минуты. Руки утопающей сдавили горло, я не мог дышать, сорвать с себя железные тиски. Сознание стало путаться, меркнуть. В последний момент нас спасло... море. Оно подогнало большую волну и одним махом выбросило на берег. Вода с шипением ушла обратно в своё лоно, а мы остались лежать на камушках. Девушка по-прежнему яростно душила меня, будто ненавистного врага. Я мучительно дёргался под ней, как выброшенная на воздух рыба.

Вдруг откуда-то появился сосед по комнате. Виктор Иванович шлёпнул девушку по щеке,

оторвал её от меня, поставил на ноги. Она очнулась, огляделась и вдруг бросилась бежать.

Я посмотрел на свою культю. Она сильно кровоточила. Вытаскивая девушку из воды, я опирался на свою полуногу и сорвал тонкую кожу. Сосед поднял меня, пронёс на руках и положил на полотенце. Я поднял культю и стал сцезивать кровь. Вокруг нас образовалась толпа. Люди сочувствовали, подавали дурацкие советы. Кто-то бросился в лечебный корпус за медицинской помощью.

Она не потребовалась. Вернулась Зелёная Шапочка. В руках у неё был бинт, вата и бутылёк йода. Девушка профессионально обработала мне рану, я хотел «обуться» в протез, но она не разрешила:

– Сейчас ходим в процедурную. Там приведём ногу в порядок.

Она взяла протез.

– Обними меня за шею, – сказала таким требовательным голосом, что я не посмел слушаться. Приподнялся на одной ноге. Правой рукой обнял девушку за шею. Кто-то свернул моё полотенце и вложил в другую руку.

Толпа расступилась и проводила нас сострадательными понимающими взглядами. Почти весь санаторий состоял из выздоравливающих после ранений «афганцев». Они-то понимали тех, кто терял ноги, подрываясь на минах.

Не успели добраться до лечебного корпуса, навстречу нам вышли женщина в белом халате и мой сосед по комнате. Оказывается, он быстро и правильно сориентировался и сбегал за медицинской помощью. Женщина подошла ко мне с другой стороны и тоже потребовала:

– Обними меня!

Обе понесли меня на руках. Я осознал личность ситуации.

– Теперь как мужчина могу с полным правом сказать – женщины носили меня на руках, – пошутил я.

– Можешь! Можешь! Как звать тебя, солдат? – спросила Зелёная Шапочка.

– Вадим, – ответил я.

– Дай тебя поцелую, Вадим! Ты ведь спас мне жизнь! – сказала она.

Передо мной оказались золотисто-карие глаза. Этот поцелуй я никогда не забуду. Даже сравнить его не с чем. Разве только с поцелуем Богини, которая ступает по земле, как писал Вильям Шекспир.

В процедурном кабинете мою культю подремонтировали. Чтобы я не травмировался протез-

зом, вручили костыль и отправили в палату. Василиса пошла со мной, рассказывала, как ей стало плохо в море. Ей показалось, что кто-то схватил её за ноги и потащил вниз. Это случилось первый раз в жизни, когда она потеряла голову, была в обмороке и очнулась только на берегу. Увидев мою окровавленную культю, бросилась к своей одежде, рядом с которой на лежаке валялась сумочка с необходимыми медикаментами.

Так мы познакомились. Я узнал, что она из Кемерова. Моя землячка! Работает медсестрой в Афганистане. Путёвку в санаторий получила вместе с медалью «За отвагу». Словом, у моря проводит отпуск и никак не может привыкнуть к тишине. Ей кажется, что покой может в любое мгновение оборваться автоматными очередями или взрывами.

Когда мы пришли в мою комнату, то уже чувствовали себя родными, близкими людьми. Я был доволен, что так «удачно» познакомился с девушкой. Было ощущение, словно судьба взяла нас обоих за шиворот и столкнула лбами в море.

Виктор Иванович оказался в комнате. Лежал на кровати, развернув перед собой «Правду». Увидев нас, сложил и отложил в сторону газету, быстро поднялся с постели, кивнул на мою культю.

– Подремонтировали?

Ответила Василиса:

– Надо, чтобы Вадим хотя бы два дня не беспокоил ногу. Отлежался.

Она подвела меня к постели. Я уселся, поставив боком костыль. Девушка оглядела комнату, остановила взгляд на кресле, на него положила протез. Потом быстро попрощалась и вышла.

Когда дверь закрылась за ней, Виктор Иванович ошеломил меня.

– Ты хоть представляешь, какое богатство приобрел? – спросил он.

Я недоумённо уставился на него, не понимая, что он этим хочет сказать.

Виктор Иванович, глядя мне в глаза, пояснил:

– Ты ухватил жар-птицу. Теперь держи двумя руками за хвост, чтобы не улетела. Такое счастье раз в жизни выпадает мужику...

У меня в голове скрутился так туго клубок мыслей, что я не стал даже в этот момент его распутывать. Сказал только:

– Бусы купил!

– Молодец! – похвалил меня Виктор Иванович и добавил: – Красивые камни. Увидишь, они помогут тебе восстановить психологическое равновесие. А с девушкой не расставайся.

Майор вдруг стал говорить о том, как трудно найти в жизни настоящую женщину, как жемчужину в куче навоза.

Слово за слово, и мы разговорились. Сосед рассказал, как был ранен предателем, которого считал своим другом, командиром батальона:

– Я верил ему, считал, что он преданный боец. Не было случая, чтобы он дал хотя бы малейший повод усомниться в себе. И вдруг мелкая ссора с начальником царандоя провинции. Мухаммад поднимает батальон, чтобы увести его к душманам. При этом расстреливает младших офицеров, командиров взводов, рот. Я попытался встать на пути мятежников и получил от комбата пулю в грудь. Тут он проявил даже милосердие. Афганцы стреляют без промаха. Если же он взял тебя на мушку, считай, что ты покойник. Пуля от него прошла в двух сантиметрах правее сердца. Я выжил. Потом в госпитале долго осмысливал факт предательства своего афганского друга. Думаю, у него сработал комплекс Григория Мелехова. Был такой смелый, талантливый, но крайне неустойчивый персонаж в романе «Тихий Дон». В поисках справедливости Мелехов метался от белых к красным. А где во время войны можно найти справедливость? Мой комбат разочаровался в государственной политике Афганской Республики, революционерах, которые стали взяточниками и ворами, решил поискать правду у оппозиции. Но меня он всё-таки не убил, значит, у него в душе что-то хорошее осталось от русских. Может, ещё вернётся?

Виктор Иванович замолчал, поворочался в своей постели и уснул. Утром он уже не вспоминал Афганистан. Когда я захотел на пляж, заставил меня дать моей ноге ещё отдохнуть. Зато Василиса принесла из столовой завтрак. Тарелки поставила на стол. Пока я ел, она сидела напротив и смотрела на меня во все глаза. Даже стало как-то неудобно. Я не выдержал, спросил:

– Я не так ем?

– Всё так. Просто мне нравится, как ты ешь.

Потом она приносила ещё обед, ужин, а на следующий день я уже сам зашевелил своими ходиками по территории.

Потянулись обычные санаторные дни, наполненные процедурами, купанием, бездельем

на пляже и чтением книг. Я перелистывал «Как закалялась сталь» Николая Островского. Решил ещё почитать «Овод» Войнич.

Когда на доске объявлений возле столовой увидел приглашение на экскурсию к озеру Рица, то загорелся желанием побывать там. На ужине сказал об этом Василисе. Она обрадовалась:

– Я с тобой. Возьмём только с собой Надьку.

Кого-кого, а Надьку не хотелось бы иметь рядом на экскурсии. Это была соседка Василисы по комнате, разбитная, легкомысленная, с дурной репутацией молодая бабёнка. Она умудрилась «передружить» почти со всеми мужиками санатория. Что ни вечер, то новый около неё. Только меня обходила стороной. Видимо, Василиса прищемляла ей хвост, не подпускала ко мне.

Ходили слухи, что Надька якшается с местным грузином Веселидзе. Я видел его однажды на пляже. Большой, седовласый, с толстым орлиным носом и обвислым животом. Он подходил к женщинам, о чём-то тихо договаривался. Его выслушивали внимательно, потом отрицательно качали головой и быстро уходили. Потом оказалось, что он предлагал купить у него чачу, виноградную водку, очень крепкую, до шестидесяти градусов.

Поддалась уговорам Надька. Она решила на этом подзаработать. Тайком брала бутылки у Веселидзе и прилипала к потребителям. После общения с ней мужчины веселили и уверенно хлопали женщин по задкам. Не всем дамам это нравилось. То на одной стороне пляжа, то на другой вспыхивали конфликты с затрещинами и ругательствами. Я подумал, что Надька обязательно возьмёт с собой пару бутылок для туристов и будет на озере разводить спекуляцию. Девушка была неприятна мне, но, коль Василиса попросила взять её с собой, согласился скрепя сердце.

Нам сказали, что утром возле санатория будет стоять автобус. К семи часам надо подготовиться к поездке. Одеться, как положено для путешествия. Взять сухой паёк и выйти на площадку перед главным корпусом. Поездка растянется на три с половиной часа. В пути автобус поднимется на восемьсот пятьдесят метров, и можно будет полюбоваться сверху горами Кавказа. «Вид такой, что дух захватывает. Хочется взмыть орлом в небо» – так передал мне свои впечатления Виктор Иванович, который уже два раза побывал на озере.

Утром в тёмном спортивном костюме с надписью «СССР» на спине я вышел к большому экскурсионному автобусу. Сразу увидел возле него Василису и Надьку. Девушки были в модных джинсах и лёгких ажурных кофточках с открытой грудью. В руках они держали ёмкие сумочки, в которые можно бегемотов спрятать. Во всяком случае, сухие пайки явно вошли. Я завернул свой в газету и спрятал под мышкой. Хотел взять ещё книгу, чтобы почитать в пути.

Виктор Иванович сказал:

– У тебя, сержант, стало худо с юмором. Кто на такую головкружительную экскурсию берёт с собой библиотеку?

Пришлось оставить замысел...

При встрече я поцеловал Василису в щеку, Надьке пожал руку и покосился на её пухлую сумочку. Явно прихватила чачу на продажу. Девушка не дала мне заикнуться на этом. Повернула ко мне боком голову и показала пальцем щеку: «Целуй!». Ничего не оставалось, как удовлетворить желание подружки Василисы.

Ровно в семь все поднялись в салон автобуса, расселись по местам. Когда машина тронулась, экскурсовод-грузинка в золотых кольцах, браслетах, серьгах взяла микрофон и звучным голосом заговорила:

– Сегодня вы увидите невероятную красоту. Природа сотворила озеро совсем недавно, триста лет назад. Раньше здесь, в глубоком ущелье, протекала река Бзыба, на берегах которой жили разбойники. Видимо, за грехи этих людишек высшие силы так разгневались, что гору приподняли, положили поперёк речки, воды которой и создали уникальное для Кавказа озеро в два с половиной километра, шириной до восьмисот семидесяти метров, глубиной до восьмидесяти.

– Купаться в нём можно? – спросила Василиса.

– Если вас не пугают семнадцать градусов, пожалуйста. На озере есть пляж.

Женщина опустила микрофон и уселась в своё кресло возле кабины водителя. Она не захотела перекармливать нас информацией. Сами всё увидим.

Солнце поднималось. Чтобы спастись от жары, пассажиры открыли окна автобуса. В салон влетал упругий прохладный воздух. Приятно было подставлять ему голову, плечи, грудь. Здесь всё-таки лучше, чем в Афганистане. Там не то что форточки, мощные вентиляторы не спасали.

Первая остановка случилась возле водопада и крохотного озера под ним. Возле него стояли

автобусы. Не только мы устремлялись к жемчужине Абхазии. Люди дружно потянулись из салона, чтобы размять ноги и освежиться горной водой. Я вышел вслед за своими девушками.

Слегка одуревший от жары народ всюду наслаждался. Многие разделались до купальников, плавок и вставали под поток с горы. Вода была очень холодная, поэтому тут же выскакивали, размахивая руками.

Стайка ребятишек купалась в озере, прыгая друг на друга. Худой, загорелый дочерна волосатый гитарист сидел рядом на камне и пощипывал струны своего инструмента. Звонкая мелодия сплеталась с шумом водопада.

Мы с Василисой вымыли руки в ледяном потоке. Я не выдержал (очень жарко становилось) и струями освежил ещё и голову. Глядя на меня, девушка тоже смочила затылок. Только Надьке температура была нипочём. Она толковала с каким-то мясистым рыжим мужиком в вышиванке и соломенной широкополой шляпе. Я отвернулся, чтобы не видеть, как она передаёт чачу покупателю.

Через двадцать минут экскурсовод пригласила нас в автобус. Мы по одному забралась в салон и поехали к озеру, которое впрямь оказалось очень красивым. Зелёно-жёлтая, местами золотая вода. Чтобы увидеть окружающий пейзаж, не надо задира́ть голову, достаточно опустить глаза и разглядеть словно вырезанные, чёткие отражения пиков гор. Вид был, конечно, грандиозный. Многие из туристов достали фотоаппараты. На узком каменистом пляже я спросил Василису:

– Не хочешь перемахнуть озеро и побывать на даче Сталина?

На другой стороне озера под горой виднелся уютный двухэтажный дом с синей крышей. Экскурсовод рассказывала о том, что Иосиф Виссарионович два раза был здесь. Во второй ему поведали что-то такое, отчего он пришёл в ужас и больше не показывался на прекрасном озере. Думаю, что это настоящая легенда, сочинённая для туристов.

Василиса обратила внимание на пристань моторных лодок. Люди подходили к будке с надписью «Касса», платили деньги за аренду, выбирали плавательное средство и отправлялись в путешествие по озеру.

– Давай прокатимся по озеру, – сказала девушка.

И показала глазами на пристань, откуда отчаливала лодка с плечистым волосатым водителем.

– С удовольствием, но я не знаю, как завести мотор.

– В этом особой хитрости нет. Пристанщик покажет.

Я взглянул на костистого смуглого парня из местных, в зелёных штанах и соломенной шляпе. Он помогал любителям водных путешествий выбрать лодку, отцепить, засечь время и отправиться в плавание. Работы у парня было много. Он бегал от одного судна к другому, гремя цепями.

Мы подошли к нему, попросили выбрать лодку попримичнее да ещё такую, чтобы не перевернулась. Василиса сунула ему пятёрку за услугу и попросила, чтобы он показал, как завести мотор, как управлять лодкой. Получив полный инструктаж, мы купили билет на полчаса, передали бумажку пристанщику. Тот хотел помочь завести мотор, но Василиса взяла инициативу в свои руки, нажала нужную кнопку на пульте управления. Мотор чихнул и... замолк. Пришлось пять раз включать, прежде чем он заработал нормально. Я встревожился:

– Мы не застрянем на середине озера?

– Бог не выдаст, чёрт не съест! – бесшабашно выкрикнула она и повела лодку, целясь носом в дачу Сталина. Надьку мы не взяли с собой. Она осталась на берегу. «Не хочу рисковать. Будете целоваться, ещё перевернёте, я не умею плавать», – девка врала безбожно. Я не раз видел, как она лихо отмахивала до буйка и обратно даже в лёгкий шторм. Она осталась, потому что у неё на берегу был свой торговый интерес.

Описав широкий круг перед дачей Сталина, мы понеслись вдоль озера. Наше внимание переключилось на берега. К воде подступали обшитые лесом пирамиды, за которыми стояли лысые горы с белыми снежными продолговатыми морщинами. Мы в своей лодчонке казались муравьями на фоне величественных естественных сооружений. Такое же потрясение я испытал в Бамианской долине Афганистана перед скалами с высеченными Буддами. Нам рассказывали, что скульптуры создавались двести лет, выглядели они столь величественно, что хотелось упасть перед ними на колени. Мы не стали падать, а просто сошли со своих боевых машин, уселись и долго разглядывали бесстрастные каменные лица, пока не заработали рации и начальство не отправило нас дальше воевать.

На берегу озера я заметил два каменных столба. Они показались рукотворными. Может,

их поставили разбойники перед входом в свою пещеру. Захотелось посмотреть на сооружения вблизи. Я попросил Василису причалить к столбам. Когда лодка ткнулась в берег, выскочил и подтянул нос на гальку.

– И что мы здесь будет делать? – спросила она.

Чёрт дернул меня за язык.

– Кайф ловить! Представляешь, здесь на десятки километров никого нет. Можно ходить голыми и не стесняться! – восторженно сказал я.

Василиса в ответ только многозначительно хмыкнула и перебросила ногу через борт лодки.

Мы подошли к столбам в глубине мыса и почувствовали себя Хейердалами на острове Пасха перед истуканами. Столбы представляли собой древние скульптуры. На верхушках были выбиты бородатые лица с резкими азиатскими чертами, под ними – знаки, похожие на руны, и опоясывающие линии. Василиса хлопала ладонью по столбу и оглянулась на меня. Лукавство засветилось-заблестело в золотисто-карих глазах.

– Что-то лифчик давит. Расстегни!

Я стоял рядом и тоже опирался рукой о камень. Я опустил руку, скользнул пальцами по спине девушки. Лифчик держался на крючочках и петельках. У меня не было опыта общения с такими женскими сооружениями. Запутался с крючочками. Они никак не хотели расставаться с петельками. Василиса терпеливо ждала, когда расстегну лифчик. Наконец это удалось. Концы разошлись, обнажая спину. Девушка сорвала кусок материи с плеч и, как флагом, махнула перед моим носом. Неудержимо захотелось прикоснуться к ее телу. Я протянул руку...

В это время раздался треск моторки, которая шла от станции у берега. Чувствовалось, что она вот-вот появится из-за скалы. Василиса мгновенно юркнула в густые заросли самшита. Как только она скрылась, появилась лодка, в которой за рулем восседал пожилой мужчина с красной лысиной, блестящей от пота. Он помахал мне рукой и уплыл дальше. Я тоже поднял вслед ему руку и пошёл в кусты самшита. Там увидел девушку в костюме Евы...

Любовь оказалась столь захватывающей, что я будто взлетел к звёздам. Ошеломлённый своим чувством, я упал на спину, раскинул руки, обнимая белёсое от жары небо. Оно вдруг закрылось худеньким лицом Василисы. Золотисто-карие глаза уставились на меня.

– Хочу, чтобы сегодня на этой чудной природе во мне зародилась новая жизнь! – сказала она.

– Ты скажешь, если это случится? – спросил я, находясь под впечатлением от произошедшего.

– Первым узнаешь. Обещаю!

Я долго и благодарно целовал Василису. Когда мы вернулись вновь на берег, наша лодка испарилась. Где она толкалась носом о камни, темнела только глубокая влажная бороздка

Мои мысли пошли в разбег. Подумал, что кто-то украл, потом догадался: волны от проплывающих моторок приподняли и утащили лодку в озеро. Где теперь искать беглянку?

Молодец Василиса. Не потеряла хладнокровия.

– Лодка где-то здесь. Её не могло отнести далеко! – сказала она. Присела и потрогала пальцами воду.

– Что ты предлагаешь? – спросил я.

– Заплыть к середине озера, обзор увеличится, и оттуда можно увидеть лодку.

Я сел на камни, отстегнул протез и прыгнул в воду. Ушёл глубоко вниз и тут же выскочил на поверхность. Вода всё-таки была холодной.

Быстро, стараясь согреться, саженьками поплыл к середине. Плыл и оглядывался на обтёсанные скальные берега. Лодку увидел, к счастью, метрах в тридцати от мыса. Она заплывала под каменную бородавку, будто что-то под ней вынюхивала, пританцовывая кормой.

– Нашёл! – радостно крикнул я и замахал Василисе руками.

Быстро и легко забрался в лодку, вставил вёсла в уключины и стал грести к мысу с каменными истуканами. Василиса увидела меня, радостно запрыгала, замахала руками.

Как только лодка причалила, она забралась ко мне и подала протез. Пока я пристёгивал его к ноге, стала заводить мотор. Техника, как простуженная, кашляла, чихала, но никак не хотела работать. Первым опустил руки я.

– На вёслах поплывём.

– Подождём! – сказала она. – Может, кто возьмёт нас на буксир.

Посидели в лодке, прислушиваясь к звукам, которых не было. Потом на востоке будто стала осторожно рваться лощёная бумага, затем явно послышался звук мотора. Со стороны станции шла лодка. Вскоре мы увидели её на середине озера. Василиса вскочила, замахала руками. Парень и девушка в лодке увидели нас и повернули к мысу. Когда они подплыли, я пожаловался:

– Мотор не можем завести!

Рыжий в веснушках парень без лишних слов перелез в нашу лодку, покопался в технике, легко завёл.

– Теперь в порядке. Можете плыть аж до Киева.

– Почему именно до Киева? – удивился я.

– Так хохлы говорят! – пояснил он с улыбкой.

Мы поблагодарили нашего спасителя, пожали ему руку. Он вернулся к девушке, включил мотор и, сделав лихой вираж, на полной скорости умчался дальше по озеру. Василиса не менее лихо повела лодку к станции.

До отхода автобуса в санаторий оставалось десять минут, когда мы подплыли. Сдали лодку пристанцику. Он посадил её на цепь, а мы поднялись на берег. Автобус уже был наготове с открытой дверцей, куда по одному входили санаторские. Среди них была и Надька. Она внимательно посмотрела на Василису и тихо сказала:

– Поздравляю!

Василиса промолчала, отвернулась.

Мы сидели рядом в середине автобуса справа. Надька перед нами. Я хотел устроить Василису у окна, чтобы она могла без помех видеть то, что проплывало за стеклом, но она отказалась:

– Мы будем проезжать над ущельем. Не хочется разглядывать далёкое дно. Почему-то кажется, машина свихнётся и бросится вниз.

– Это может вполне случиться, если Надька угостит шофёра чачей.

Василиса протянула руку и толкнула пальцем плечо подруги.

Та явно слышала диалог, огрызнулась:

– Вы за кого меня принимаете?

– За разносчика заразы! – брякнул я.

Надька полосонула меня сердитым взглядом, хотела что-то сказать, но в это время её отвлек молодой сосед с горбатым тонким носом. Она наклонилась к нему. Я взял руку Василисы и стал поглаживать мягкие нежные пальцы. Две молодые бурные реки повернули русла друг к другу, водами слились и потекли в одну сторону над горами, долами, пока не уткнулись в железные ажурные ворота санатория. Автобус остановился перед ними. Двери открылись, и на площадку вывалились ослепленные от жары и чачи пассажиры. Жизнерадостный мужчина в белой майке, похожий на Хрущёва, раскинул руки и пошёл вытаптывать чечётку. Вокруг него закрутилась поджарая бабёнка с красными губами.

В толпе я увидел Веселидзе. К нему ринулась Надька. Мы с Василисой, держась за руки, проскользнули в ворота. Уже на территории возле газона поцеловались и разошлись по своим берегам.

Виктор Иванович был в комнате. Он давил спиной постель и держал, как обычно, перед собой газету, которую опустил на живот, когда я открыл дверь. Меня переполняло счастливое настроение. Сегодня впервые заполучил прекрасную женщину. Хотелось петь или пройти колесом по комнате. Ни того ни другого не позволил себе. Только игриво спросил:

– Какую очередную гадость американцы придумывают для Афганистана?

Виктор Иванович очень серьёзно ответил:

– В Пакистане формируют из студентов мэдrese боевые духовные отряды. Они будут называться талибами. Скоро эти воины затопят горы Афганистана.

– А мы?

– Нам надо уходить оттуда. Всё, что от нас требовала история, мы выполнили. Теперь уже шахский режим никогда не вернётся в страну. На очереди другие экономические силы, которые будут управлять страной. Мы оказались инопланетянами из далёкого будущего. К нему у афганцев ещё долгий путь.

Я так и не рассказал Виктору Ивановичу о Василисе, новых взаимоотношениях с ней. Наступило время ужина. Мы собрались и отправились в столовую, где я встретил Василису. После ужина пошёл с ней на море, просидели возле волн до тех пор, пока на небе не повисла круглая блестящая луна.

Когда слишком крепко спишь, то сигналы в мозг пробиваются, как сквозь вату. Гудит-гудит где-то вдалеке, потом раз и взрывается в ухе. Дверь комнаты разбивали. Виктор Иванович первым оказался возле неё и широко распахнул. Василиса чуть не вывалилась на него.

– Надька пропала! Вчера умоталась к чёртову Веселидзе, до сих пор нет. Пойдём к нему, узнаем, что произошло.

Девушка была в такой тревоге, что у неё даже слеза вытекла из глаза. Она смотрела через плечо соседа на меня. Я понял, что Василиса обращается именно ко мне за помощью. Она как женщина видела во мне опору. И это было приятно.

Быстренько подобрал под кроватью протез и через пять минут вышел из комнаты. Мы мино-

вали проходную, в которой никого не было. Улица за санаторием тоже выглядела пустынной. Светало, никто из жителей ещё не пробудился. Только с моря донёлся далёкий гудок парохода. Там низко пролетел военный вертолёт. Лётчикам тоже не спалось. Они исправно несли службу.

Мы пересекли дорогу и пошли в гору какими-то улочками, переулками, пока не остановились возле новеньких тесовых ворот с железным кольцом. Василиса решительно взялась за кольцо и подёрнула. На гром залаяла собака, по низкому трубному голосу чувствовалось, что это большая псина, наверное, кавказская овчарка ростом с телка.

Скоро во дворе раздались шаркающие звуки. Потом маленькая врезанная дверь в воротах приотворилась и выглянуло знакомое носатое лицо Веселидзе.

– Куда Надьку дел? – заорала Василиса, хватая за плечи грузина и встряхивая его, как дерево. Он не ожидал такого мощного напора, испуганно подался назад и захлопнул перед нами дверь. Но от Василисы не так просто было избавиться. Она снова ухватила за кольцо. Грозно залаяла собака, нервы у хозяина не выдержали, он распахнул дверь.

– Твоя подлая Надька в мусорном ящике одышает. Пройдёшь вниз направо и увидишь сама. Ничего с ней не сделали. Уходи отсюда!

Снова дверь захлопнулась. Мы бросились по переулку, который шёл по склону вбок. Не успели проскочить метров тридцать, как услышали глухое ворчание собаки. Высокая облезлая псина стояла возле мусорного железного, покрашенного в зелёный цвет ящика, набитого гнилыми фруктами, целлофановыми мешочками, и влаивала. Сверху валялось кресло со сломанными ножками.

Мы обошли ящик и увидели свёрнутый ковёр, перевязанный верёвочками. Из ковра раздавался стон. Было ясно, что в него закатан человек, и, судя по голосу, женщина. Мы замерли от страшного предчувствия, а потом бросились дружно к свёртку, развязали верёвки, развернули и увидели совершенно голую Надьку.

– Мерзавец, сволочь, бандит! – кричала она.

Василиса, обнимая подругу, старалась прикрыть её наготу. Стащила с себя кофточку, натянула на плечи девушки. Кофточка оказалась слишком просторной и прозрачной. Тогда Василиса обратила внимание на меня. По её взгляду понял, что надо. Стащил футболку. Мы натянули

на девушку. Но из-под короткой футболки всё-таки выглядывало сокровенное женское место. В таком одеянии нельзя было ей идти по улице.

Но что ещё надеть? Василиса не могла поделиться своими джинсами, потому что смущённо призналась, что под ними у неё тоже ничего нет. Тогда я стащил с себя шорты. У меня хоть были плавки. Я подумал, что в них можно прогуляться по курортному городу.

В моей одежке Надька выглядела более прилично. Василиса обняла её за талию и повела от мусорного ящика подальше. Я двинулся рядом. Не прошли мы метров десять, как Надька вдруг остановилась, оглянулась назад.

– Я возьму ковёр. Постелю его перед входом в столовой. Пусть народ топчет добро Веселидзе назло ему.

Она пошла обратно, свернула ковёр, в котором только что лежала, взвалила на плечо и покачнулась. Видно было, что ей не унести эту тяжесть. Пришлось нам подставить плечи. Втроём мы утащили ковёр в санаторий и там расстелили перед входом в столовую. Потом мне рассказывали о том, что Веселидзе видел свой ковёр у столовой. Долго стоял около него, ничего не сказал и ушёл. На следующий день ковёр исчез.

Надька, в свою очередь, никому, даже Василисе, не рассказывала, что случилось с ней в доме грузина. Она ещё неделю пробыла в санатории, выписалась и уехала. В ту же ночь случился пожар. У Веселидзе сгорели сарай и дом. Люди, слава богу, остались живы. Только собака пострадала. Она почему-то осталась на цепи. Железо не выпустило бедную псину из огня.

Перед отъездом в Афганистан Василиса рассказала, что произошло. Оказывается, Веселидзе и сосед изнасиловали Надьку. А утром расплатились. Завернули девушку в ковёр и оттащили к мусорному ящику.

Кровь ударила мне в голову.

– Сказали бы мне раньше – я устроил бы, как Дубровский, этому Веселидзе такой фейерверк. Никто бы живым из дома не вышел.

– Поэтому и не сказала, что нечего лезть в разборки торгашей. Они сами между собой всё порешали, – сказала Василиса. Больше она не вспоминала свою подругу по комнате.

Вслед за ней отправился в Афганистан довоёвывать Виктор Иванович.

Наступил день моего отъезда. Меня выписали из санатория.

Я спустился к морю и долго стоял на берегу. Небо мрачнело от грозных туч. Вода яростно-

ми волнами молотила пляж. Голова какого-то лихого бесстрашного пловца, словно поплавок, подпрыгивала возле коричневого буя. Я с уважением посмотрел на него и подумал: «Дома тоже войду в бурную, как это море, жизнь. Хватит ли сил выплыть?»

Хорошо продрогнув (пляж обдувал холодный ветер, всё-таки был конец октября), я вернулся в санаторий на пригорке. На крыльце встретил знакомую молоденькую сестричку, улыбочивую, добрую.

– Соня, хочу свистнуть розы с клумбы. Всё равно они вот-вот завянут. Можно сорвать? – спросил я.

– Девушке? – уточнила она.

– Матери!

– Рискини!

Без приключений я в тот же день прилетел на самолёте в Кемерово. Взял такси в аэропорту, приехал домой.

Постучал в дверь своей квартиры. Открыла мама. В слезах, стала обнимать меня. Протянул ей букет роз. Она спрятала лицо в цветах и ещё больше расстроилась. Выглянула сестра и тоже бросилась на шею. Не отпуская сестру, я вошёл в квартиру и попал в объятия отца и брата. Наконец-то оказался дома.

Не успел расположиться, привести себя в порядок, как в квартире стали появляться гости: друзья по спорту, родственники, даже дед приехал. Они решительно заставили надеть на пиджак ордена и медали.

Народ, отсидев за обильным столом, держался свободно, разгуливал по комнатам, жужжал. Время от времени то один, то другой подбирался ко мне, требовал держать нос выше, потому что моё ранение – это не ранение. А вот у Евгении Фёдоровны, учительницы, сына привезли парализованного из Афганистана. Чудаки! Нашли чем утешить.

Как медленно ползёт время! Надо чем-то заняться. Но чем? В свой цех не сунешься. Туда надо гвардейцем заявляться. Теперь я не только хромой, но и больной. Через неделю после возвращения домой культя похудела. Тонкая кожица на ней то и дело лопалась, как почка весной. Снимешь протез вечером перед сном, чехлы кровью, как краской, обмазаны. Ночами стало тело накаляться высокой температурой. День ото дня я слабел. С постели поднимался, чтобы поесть. Апатия поселилась во мне.

Ночью во сне увидел Василису. Будто мы в белых одеждах идём по равнине. Навстречу бегут духи, стреляют. Я пытаюсь вскинуть автомат, его нет. У меня от отчаяния сжимается сердце. Мне страшно за Василису. Я кричу духам: «Это моя жена! Не стреляйте в неё!» Вдруг рядом из-за чёрного облака взрыва вырывается бронетранспортёр. Мужчина на нём в коричневой куртке, шлемофоне, протягивает руку, хватая Василису, поднимает рывком на броню. Она оттуда уже кричит мне: «Я подлечу тебя, когда проснёшься. Срочно в больницу!»

Проснулся, нога не болит, температуры нет, внутри пустота, а в голове мысль: «Если, в самом деле, не пойду в больницу, худо будет». У меня временный протез. В госпитале при выписке сказали, что постоянный я получу в Новокузнецке. Там есть специализированная больница и ортопедическая мастерская.

Вечером сказал родителям, когда они вернулись с работы, что завтра мне надо ехать в Новокузнецк. Мать забеспокоилась, захотела поехать со мной, но я не согласился. Давно уже привык самостоятельно решать свои проблемы и не только свои. Утром до автовокзала меня всё-таки проводил брат. Пока я отдыхал на скамейке, он купил билет на автобус.

Врачиха, к которой я попал на приём, с первого взгляда не понравилась мне. Когда я вошёл в кабинет, она что-то рисовала шариковой ручкой в толстой тетради. На меня ноль внимания. Только скользнула взглядом, как по мелькнувшему столбу в окне автобуса. Даже присесть не пригласила. В другое время я не обратил бы внимания. У меня было столько сил, что мог днями не присаживаться. Но теперь потревоженная длительной дорогой боль в ноге серьёзно сигнализировала. Я не стал ждать приглашения, сам плюхнулся на стул. А врачиха всё рисовала и рисовала. Прошло минут десять, прежде чем она поставила точку, закрыла тетрадь и подняла голову.

– Рассказывайте, что у вас?

Когда я закончил, она равнодушным голосом сказала:

– Вам надо лечь в больницу. Через шесть месяцев получите новый протез.

Через шесть месяцев я очокурюсь от безделья. Психанул, сказал, что, наверное, всё-таки можно инвалиду войны помочь вне очереди.

Она взглянула на меня светлыми прозрачными глазами и холодно сказала:

– Лично я вас на войну не отправляла.

– Счастливый вы человек, ни вас, ни вашего сына не расстреливают из гранатомётов и не сжигают в бронемашинах.

У меня перехватило горло. Чтобы не наговорить лишнего, повернулся и выскочил из кабинета. Уже на автовокзале со злостью подумал о врачахе: «Вот сволочь, даже не взглянула на культу!» Интересно, после Великой Отечественной войны было такое же хамское отношение к фронтовикам?

В просторном зале автовокзала былолюдно. Противно воняло пирожками. Между очередями в кассы шаршились пьяные. Обтёрханный прыщавый мужичок, которого можно было пальцем перешибить, с багровыми ушами, придавил в углу тётку и размахивал кулакам возле её носа. Я хотел вмешаться, а затем подумал, что эта тётка, видимо, его жена. Чужая вряд ли позволила бы ему так выкаблучиваться перед собой. Наверняка выжимает у неё деньги на стакан водки. Я вспомнил рассказ Василисы о первом муже. Сколько бедным женщинам приходится переживать от мужей-алкоголиков. До войны я был спортсменом, не брал ни капли спиртного. Теперь вообще не прикоснусь. Я вспомнил: когда меня встречали с афганского фронта, народ выпивал, я нет. Если ещё настоящему женюсь на Василисе, навсегда забуду алкоголь.

Я вышел из здания вокзала. На улице со свистом раскручивалась снежная шаль. Белые концы больно хлестнули по моему лицу. Изрядно замёрзнув, снова нырнул в тепло вокзала. Купив билет на Кемерово, присел на скамейку, вытянул перед собой ногу с протезом, обутую в меховой ботинок, и устало прикрыл глаза.

У судьбы, видимо, тоже есть совесть. Как следует поизголявшись надо мной, она подобрела, сменила гнев на милость. Я очнулся от шороха одежды. Рядом устраивался веснушчатый паренёк в просторном пальто с капюшоном. Он откинул капюшон, поправил взъерошенные короткие волосы.

Когда сосед усаживался, я обратил внимание на его ноги. Они скрипнули, выдавая искусственное происхождение.

– В Афгане потерял ходики? – спросил я.

– Не! Под взрыв попал на заводе.

Слово за слово мы разговорились и познакомились. Я рассказал ему о своей неудаче в Новокузнецке.

– Плюнь! – посоветовал он. – Езжай к дяде Саше в Томск. Он сделает классный протез для тебя.

Я записал адрес больницы, в которой работает дядя Саша. Домой приехал на автобусе, переночевал, а утром уже на поезде махнул в Томск.

Там встретили меня, как надо. Чуть ли не под руку проводили из регистратуры к хирургу, пожилой, внимательной женщине. Она ощупала культу, сказала молоденькой медсестре, глазеющей на меня, как на восьмое чудо света:

– Пригласи Александра Ивановича!

В кабинете появился знаменитый дядя Саша с профессорской бородкой и руками штангиста первого разряда. С порога взглянул на культу и спросил добродушно:

– Где ножку потерял, молодой человек?

– На войне! – буркнул я.

– Мальчик из Афганистана, – сказала хирург.

Дядя Саша опустил на корточки, вынул из кармана белого халата ленту с делениями, как портной, вдоль и поперёк промерил мою культу.

Из кабинета я попал в одноместную палату. В тот же день мне подпилили кость, которая разрослась в культуре и сильно болела, шоркаясь о чехол протеза. Сразу стало легче.

Через два дня утром ко мне зашёл дядя Саша с бумажным свёртком под мышкой, уселся на край моей кровати и подал свёрток.

– Вот тебе, «афганец», новая нога!

Я ошалел от радости. Не ожидал так быстро получить протез.

Дядя Саша заставил меня прогуляться возле кровати, присесть, подпрыгнуть. При этом я сообщал ему, где жмёт, где не жмёт. Всё записав, он завернул своё изделие в бумагу и попрощался. Я получил вечером новый протез и в нём пошёл на железнодорожный вокзал покупать билеты.

Всю ночь колготился в купе поезда. Никто из соседей не догадывался, что у меня правая нога искусственная. Дома я написал письмо Василисе, поделился радостью о своей новой ноге: «Теперь могу, как Алексей Маресьев, танцевать и даже летать, если бы был пилотом. Но, думаю, для меня хватит работы в цехе КИП и автоматики и в аудитории Сибирского металлургического института. На следующий год хочу туда поступать. Кажется, у меня вырастают за спиной крылья. Жду, когда ты приедешь в Кемерово и привезёшь то, что обещала». На этом многозначительном слове закончил своё послание и стал ждать ответ.

Он пришёл через три недели.

Василиса писала, что соскучилась по мне, мечтает, когда закончится контракт, вернуться на Родину. А пока она снова в кишлаке.

В лагерь агитотряда приходят афганцы. Жалуются на боли в голове, в горле. Приходится лечить.

«Работала с врачом в доме зажиточного дехкана. Нам помогала его жена, красивая, спокойная женщина. Её зовут Шахгуль – царь цветов. В доме чувствуется достаток. На полу ковры, подушки у стен...

Впервые увидела кочевников. У женщин платья из бархата, украшены золотыми монетами. И всё страшно грязно.

И снова на операции. Потеряла им счет. С брони бэтэера увидела высоко в небе журавлей, так защемило сердце

Хочется прыгнуть с брони и сломя голову бежать домой, до которого тысячи и тысячи километров, куда и самолётом трудно долететь».

Я тоже писал в ответ, стараясь быть бодрым оптимистом, тем более что жизнь стала подкидывать много хорошего.

Когда вернулся из Томска, меня, обутого в новый протез, встретила сестра, радостно бросилась на шею:

– К нам приходил Николай Фёдорович Туманов.

Он был мастером на производстве «Лактам-2», где я работал до армии. Известно, какие знания у выпускника техникума, тычешься в приборы, словно котёнок. Нервные «старички» кричат:

– Чему тебя учили?

Я так и не узнал, какой силы голос у Николая Фёдоровича. Нависнет над тобой, задумчиво выпятит верхнюю губу, пожуёт:

– Ковырни!

Откроешь начинку прибора, сунешься туда, куда указал мастер, и, точно, там неисправность. Благодаря Николаю Фёдоровичу я семимильными шагами осваивал автоматику «Лактама».

Он пожаловал к нам в гости снова. Мы обнялись, как старые друзья. Потом долго сидели друг перед другом. Я рассказывал об Афганистане, он о цехе. Под конец мастер спросил о моих планах.

– Хотел бы на ремонтный участок, – сказал уверенно я.

– Там сможешь, – согласился он. – Завтра же поговорю с Камаевым.

Разговор Николая Фёдоровича с начальником цеха КИП и автоматики сложился удачно.

Тот согласился взять меня на участок, правда, с условием:

– Если медицина пропустит.

Я уже знал, что медицина не пропустит инвалида второй группы на химическое производство. И всё-таки в отделе кадров взял направление и храбро пошёл на медкомиссию, ни на что не надеясь. Что-то меня подталкивало к этому.

Медицинский листок, как коллекция, пополнялся записями врачей. Годен, годен, годен. Наконец я замер перед кабинетом хирурга. Постоял минуту, потом толкнул дверь. Хирург, коротко стриженная, ещё сравнительно молодая женщина с крупными блестящими серёжками в ушах, говорила по телефону. При этом она одной рукой прижимала к уху трубку, другой нервно крутила голубенький карандаш. Видимо, ей сообщали что-то неприятное.

– Надо же! – возмущённо повторяла она.

Я, стараясь не скрипеть протезом, подошёл вплотную к столу, положил перед ней медицинский листок. Она скосила глаза на подписи и, прикрывая микрофон ладонью, спросила:

– Жалобы есть?

– Никаких

– Тогда закрой форточку!

51

Я метнулся к окну, лихо ступая на обе ноги. Протез дяди Саши не подвёл. Когда вернулся к столу, листок был подписан. Годен! Я схватил бумажку, как голодный – кусок колбасы, и выпорхнул из кабинета. «Прорвался! Прорвался!» – гремело у меня набатом в голове.

Скоро и моя личная жизнь неожиданно определилась. Однажды вечером, когда вернулся с работы, в дверь квартиры позвонили. Открывать пошла мать. Через минуту она вернулась с круглыми глазами и тихо сказала:

– Там молодая женщина с ребёнком.

Меня будто ветром сдуло с дивана. Я не успел ещё добежать до коридора, но уже знал, кто она. Живая, здоровая и с моим ребёнком на руках. Мама смотрела на нас, ничего не понимая.

– Моя жена Василиса. Теперь она будет Вахрамеева! – выкрикнул я.

– А ребёнок? – была мгновенной реакция матери.

– Мы назвали его Дмитрием, по имени... деда.

Мама только развела руками:

– И когда только вы успели его сделать?

– Между боями! – пошутил я.